

Ариана
Левы

Настоящая
попаданка

Ариана Леви

Настоящая попаданка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69836206

SelfPub; 2023

Аннотация

Попаданство в книгах и попаданство в жизни – разные вещи. Та, с которой мы поменялись местами, получила моё юное красивое тело, безлимитную кредитку и любящих родителей, мне же достались её морщины, лишний вес, мозоли, грязные пеленки, кучка сопливых детишек, деревенская хибара и старый муж-самодур. Вы точно все еще хотите попасть в другой мир?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	20
Глава 3	33
Глава 4	43
Глава 5	57
Глава 6	70
Глава 7	83
Глава 8	94
Глава 9	105
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Ариана Леви

Настоящая попаданка

Пролог

Я – Владислава Соколова, дочка того самого Соколова, ага. В том году я закончила элитную гимназию в Москве, и уговорила родителей дать мне пожить годик в своё удовольствие. А уже в этом году мы с Розой уезжаем в Кембридж. Розка младше меня на год, так что я специально её дождалась. Без её поддержки мне будет сложно занять в университете полагающееся мне место. Там будет полно местных выскочек, а королева может быть только одна, и ею буду я! А Роза поможет составить мою свиту. Этот год прошёл весело, но я изрядно устала от тусовок – а ведь мне только исполнилось девятнадцать! Что же будет, скажем, в двадцать пять?

Нет, университет в другой стране – классная идея, а то здесь реально становится скучно. Заодно потренирую иностранные языки – не одна же я буду из другой страны. Папа говорил, у них даже есть специальная программа для одаренных студентов-иностранцев. Ну, мы-то полную стоимость внесли, что мы, нищие?

Сегодня мы с Розой как раз едем праздновать наше по-

ступление – хотя тут и праздновать нечего, как будто нас могли не взять, ха-ха. Скорее, мы будем праздновать начало новой, свободной от родительского контроля, жизни. Хотя меня и так ни в чем не ограничивали: на моей кредитной карте безлимит – что означает, что я могу тратить на свои нужды из семейного бюджета столько, сколько мне вздумается. Родители меня обожают и ни в чем отказать не могут. И когда я год назад сказала, что хочу пожить этот год одна, на полную катушку – мне просто купили квартиру в центре, и выдали эту карту! Хотя, это было не совсем просто – без пары скандалов всё же не обошлось. Но, как я уже говорила, родители меня любят: я же их золотая доченька.

В клуб мы, кстати, с Розкой едем вдвоём – без парней. Больше, чем испорченный маникюр, я ненавижу, когда меня игнорят! А Вадим пытался со мной эту штуку провернуть, за что и получил отставку. Да и всё равно его надо было бросать: в Кембридже небось таких вадимов – хоть лопатой гребь. А этот еще бы потребовал верность ему хранить все годы обучения – и это когда я девица в самом соку, пик моей юности, можно сказать! Перебьётся! Не для него моя роза цвела! Кстати, о розах: Розка своего парня тоже бросила, причем, кажется, только из солидарности со мной. Вот где настоящая женская дружба!

Мы с подругой сидели в «Айконе» за столиком, между нами была початая бутылка Мартини, а впереди у нас были еще три долгих месяца каникул. Ну, это я так думала. В реально-

сти же у меня оставались только пара часов до того, как я, пьяная, попытаюсь забраться на сцену и упаду, ударившись головой об угол стола...

Глава 1

Оххх... Как тяжело... Неужели старею? Раньше с похмелья так голова не болела. А сейчас, мало того, что голова раскалывается, так еще в теле свинцовая тяжесть, и тошнит... Ох, мама, роди меня обратно!.. Еще и противный бабий голос в измученный похмельем мозг врывается:

– Славка! Эй, Славка, вставай давай, хорош дрыхнуть! Я не могу вечно за твоими спиногрызами следить, у меня своих дел полно! Давай, отдохнула – и будет. Поднимайся, говорю!

Я в ответ лишь застонала. Что там за корова до меня докопаться пытается? Еще и зовёт ненавистным мужским именем – Славка. Сколько раз уже всех просила называть меня только Владой, либо полным именем – Владислава, но уж никак не Славкой. Р-р-р, бесит. Словно услышав мои мысли, тётка произнесла:

– Владислава, ты меня слышишь? – И шлёп мне на лоб свою ладошку. Да кто там такой бесцеремонный? Видимо, я в доме у родителей – моя прислуга так нагло себя не ведёт. Это родители своих слуг избаловали, чуть ли не членами семьи их считают. Вот те и распустились совсем, никакого пиетета к высшему сословию. А тётка, тем временем, продолжала вещать:

– Жара нет, так что не придурайся. Да будет тебе, Слав-

ка, ты ж, когда брюхатая была, до последнего вёдра с водой таскала, а сейчас от какой-то простуды слегла? Ни в жисть не поверю!

Что-о-о-о?! Какая я была? Чего я таскала?

Уловив, о чём болтает тётка, я просто в осадок выпала от неизвестных мне фактов собственной биографии. От удивления я даже глаза открыла, уставившись на склонившуюся ко мне тётку. Совершенно незнакомую мне, кстати, тётку. У родителей поменялась кухарка? Потому что тётка выглядела явной кухаркой: толстая, румяная, на голове платок, сама в каких-то стрёмных блузке и юбке, то ли грязного белого, то ли выцветшего серого цвета, поверх которых надет замызганный передник – видимо, поварский.

Да нет, что это я: мои родители такую неряху никогда бы не наняли готовить еду. Это ж постараться надо, чтобы так себя запустить! А тётка всё не затыкалась:

– Ну и чего ты лежишь, глазами лупаешь? Проснулась – так вставай! Малой твой титьку хочет, да и остальные сорванцы не кормлены.

Чего-о-о? Какие сорванцы, нафиг?! Где я вообще? Я огляделась и тихо прифигела. Лежу я, значит, в какой-то, блин, деревянной хате – будем надеяться, что это стилизация под русскую народную избу: тогда в это объяснение вполне вписывается и огромная печка, и старый дубовый стол, и лавки вдоль него... Стоп, а это что, люлька? Младенец?!

Ребёнок, словно почувствовав мой взгляд, проснулся и за-

орал. Противно так! Я поморщилась, покосившись на тётку: надеюсь, она догадается его заткнуть? Эта же... нехорошая женщина, подхватив ребенка в ворохе каких-то тряпок, с противным сюсюканьем «Ой, Андрюшенька, голубок, проснулся, сейчас тебя мамочка покормит» пихнула этот визжащий свёрток мне под бок! Я на неё в шоке смотрю, а она мне заявляет:

– Ну, чего смотришь? Грудь не достать? Корми дитёнка-то!

Я аж поперхнулась! Ну, это уже совсем не смешно. Меня что, разыграть решили родичи? Типа, как в фильме «Холоп», чтобы я жизнь свою не прожигала, да на месте пролетариата побывала, переместили якобы в средневековую деревню, а на самом деле тут просто актёры переодетые. Но с ребёнком – это уже перебор! Какая хоть мамаша на это согласилась, или они из приюта взяли? Совсем сбрендили предки.

Я уже хотела ехидно возразить тётке, что я, девятнадцатилетняя девушка, не рожала, и молоком из своей груди я точно никого накормить не смогу, как взгляд мой опустился на эту самую грудь и... я заорала! Да, нервы мои не выдержали! Кто это устроил – может праздновать победу, мне не удалось сохранить лицо. И я не знаю, кому бы это удалось на моём месте, если бы вместо своей аккуратной груди второго размера он увидел бы бидоны шестого, а то и больше! И ладно бы бидоны, боже, но всё остальное!.. Это вот мои пальцы-сардельки? Это на моих руках трясется целлюлит-

ный жир? А этот живот, возвышающийся выше необъятной груди – тоже мой?!

Нет, мамочка, нет, это сон, страшный сон! Мама, я хочу к маме! А-а-а-а-а!!!

Как только я завопила, тётка испуганно схватила ребенка и отбежала в сторону, прижимая его к себе, но мне было плевать! Я была в истерике! Что со мной? Кто я? За что-о-о-о!..

Не помню, что я делала: кажется, орала, плакала, просила прощения у родителей, умоляла вернуть меня домой, пыталась оторвать себе груди и куски жира с боков, рвала на себе жидкие волосенки противного песочно-палевого оттенка, хотя у меня всегда была роскошная русая коса...

Очнулась я, сидя на полу посреди комнаты и уставившись в одну точку. Огляделась, но больше никого в комнате не обнаружила. Противная баба с не менее противным младенцем исчезли. Это хорошо. Бидоны, пузо и бока – остались. Это плохо. Что же делать? Как разобраться во всём, как понять, что произошло? Я – ребёнок двадцать первого века, во всякую мистику, типа переселения душ, я не верю. Вариант того, что меня за что-то решили проучить родители, создав всю эту ситуацию, казался бы правдоподобным, если бы не это кошмарное тело. Пластика? Но родители должны понимать, что такого я ни за что не прощу. Да и не поступили бы они так со своей любимой золотой доченькой. Выходит, заказчики этого безобразия – не они. А кто? Врагов у меня вроде бы нет. Не принимать же всерьёз в качестве врагов от-

вергнутого Вадима и нескольких девчонок из лица, с которыми у нас были контры?

Возможно, это папины враги – всё-таки он известная личность, чиновник, бизнесмен. Но зачем такие сложности? Можно было бы просто похитить и потребовать выкуп. В общем, странно это всё, непонятно. Пока что. Но я обязательно разберусь, верну себе своё тело и свою жизнь! Не будь я Владислава Соколова!

Внезапно за дверью раздались тяжелые шаги, заставив меня напрячься: вряд ли это вернулась тетка с ребенком. И точно: дверь распахнулась, явив моему взору огромного, по грудь заросшего бородой мужика среднего возраста. Выглядел он чисто лесорубом: косая сажень в плечах, могучие мускулы – словно не в спортзале качал, а махая топором заработал, темные с проседью волосы и борода, кустистые нахмуренные брови, сверкающие карие глаза под ними, хищный, немного загнутый книзу нос... Но ногах какие-то дешевые хлопковые треники с сапогами, а выше – распахнутая на груди рубашка с коротким рукавом.

Вид – зашибись. Я сразу прониклась и испугалась. Актёра подобрали – что надо. Даже помня о том, что это актёр, всё равно душа в пятки ушла: такой прибуёт и не заметит. И кто знает, какой у них приказ: может, и прибить могут, так что лучше этого дядю не злить. Впрочем, кажется, поздно – он уже злой.

Не говоря ни слова, этот лесоруб схватил меня за руку

и поволок куда-то за собой. Я едва за ним попевала, путаясь в подоле гигантской ночнушки, в которую было обряжено моё... это тело. Мужик вытащил меня на улицу, оставив во дворе дома, и я стояла, растерянно осматриваясь. Ну что сказать: зелено, свежо. Солнце в глаза бьёт. А метрах в четырёх от меня полукругом собрались зрители: та самая баба с ребенком, штук пять каких-то беспризорников разного пола и возраста, парень с девушкой – почти мои ровесники, парню где-то двадцать-двадцать два года, а девушка помладше – лет шестнадцать-семнадцать. За забором маячили головы тех, кого не пустили в партер – соседи, видимо. Те тоже поглядывали на меня с жадным любопытством. Дальше рассмотреть я ничего не успела, так как вернулся лесоруб с ведром. Что...

– А-а-а! – Взвизгнула я, когда на меня обрушился поток воды. Ночнушка намокла, облепив грубой тканью моё... это тело, сразу обозначив все его недостатки. Какой позор!..

– Ну что, пришла в себя? – Спокойно спросил этот... лесоруб. Я, позабыв о своём намерении не нарываться, злобно сверлила его взглядом. Если ты не заметил, умник, я пришла в себя еще в доме, и прекрасно обошлась бы без прохладного душа! Вслух я этого говорить не стала, всё-таки на это мне здравомыслия хватило. Кто знает этого мужлана, что он еще выкинуть может?

Моё молчание было расценено как согласие.

– Что ж, тогда чтобы через час обед был готов. Даринка

поможет, – мужик бросил взгляд на девушку, та кивнула. Он снова перевёл взгляд на меня.

– Ступай. Гринька, идём, – это он уже парню. Развернулся и размашистой походкой двинулся в сторону ворот. Зрители за забором тут же отпрянули и сделали вид, что просто гуляют.

Парень, однако, с лесорубом не пошёл, а бросив ему в спину неодобрительный взгляд, подошёл ко мне, приобнял за плечи, и сказал:

– Я провожу, матушка.

Ну, офигеть! Я что, теперь, гожусь в матери парню, который старше меня?! Сколько же мне лет на вид? Потому как в душе-то я знаю, что мне девятнадцать, но раз над этим телом знатно поиздевались, то, наверное, я сейчас выгляжу не только... хм, шире, но и старше? Неужели и такое современная пластическая хирургия может сделать? Не только искусственно омолодить, но и искусственно состарить? Наверное, может, только вряд ли кто до меня пользовался такой услугой. И я бы фиг воспользовалась по своей воле.

Парень, между тем, заботливо поддерживая меня, проводил в дом, усадил на лавку и обратился к девушке, зашедшей вслед за нами:

– Даринка, помочь чем?

Даринка пожала плечами, потом взглянула на меня, сидящую на лавке, вздохнула и попросила:

– Курице башку отруби.

Э-э-э, я надеюсь, это она не про меня. Курицей меня и раньше обзывали, но вот голову при этом отрезать не собирались. Вроде как. То есть, может и хотели, конечно, но уголовный кодекс останавливал. А тут пока вроде и не за что ещё.

Парень кивнул и вышел. «За топором, что ли?» – Мелькнула испуганная мысль.

– Матушка, тебе бы переодеться, – обратила на меня своё внимание Даринка.

Ну вот, еще одна великовозрастная «доченька». Я, надеюсь, хотя бы лесоруб не является моим сыночком в этой безумной театральной постановке? Потому что тогда мне на вид должно быть не меньше шестидесяти, так как мужик сам выглядит лет на сорок. Я и хотела увидеть своё новое лицо, и боялась. С помощью Даринки я переделалась в сухое – такую же грубую бесформенную бесцветную тряпку, как моя ночнушка, только материал чуть плотнее. Затем Даринка мне повязала передник – кажется, он тут считается обязательным атрибутом для женщины. У самой Даринки он тоже был, хотя платье у неё было чуть посимпатичнее, но такое же бесцветное. На голову мне повязали платок, и теперь я, наверное, выглядела, как сестра-близнец той бабы, которая меня разбудила. Нет, я всё же должна увидеть своё отражение.

– Даринка, а где у нас зеркало? – Спросила я. Даринка почему-то испугалась и воскликнула:

– Я не брала!

Вот дура, я разве её в чем-то обвиняю?

– А кто брал? – Надо же выяснить, где зеркало.

– Не знаю! Я вообще к сундуку с приданым не подходила!

Я обвела комнату взглядом, остановившись на красивом резном сундуке. Прошла к нему, открыла. Ага, вот где у них нормальные шмотки! Ну как, нормальные – стилизованные под старину, конечно, но хоть цветные, и материал получше качеством. А то я решила, что действие непонятного спектакля, в котором я участвую против воли, происходит еще до изобретения красителей. Так, тут еще украшения, бусики всякие... Хм, похоже на натуральный жемчуг. Нехилый бюджет у постановочки, раз ради исторической аутентичности не пожалели денег. В старину-то искусственного жемчуга не было.

Ага, вот и зеркало. Мутное какое-то, неровное, но резная ручка и рамка очень дорого смотрятся. Прямо даже стильненько. Я б себе такое купила, только с нормальной отражающей поверхностью. Ну, что мы имеем? А имеем мы жирное одутловатое лицо, маленькие пороссячи глазки, которых не видно из-за щек, и уже явно начавшую стареть кожу. Мне теперь меньше сорока лет никто не даст, а то и все пятьдесят! Господи, я старая! За что-о-о-о?..

Так, нет, Влада, соберись. Это не ты, не твоё отражение. Ты – молодая, красивая девушка с шикарными русыми волосами, идеальными пропорциями тела и колдовскими зелёными глазами. Ты – красавица, а это чучело в зеркале – не

ты. Это происки врагов, чья-то злая месть. Вот на этой мысли надо сосредоточиться, а не начинать себя оплакивать. Ты выберешься из этой передряги, ты же Соколова! И добьёшься наказания для виновных.

Но сейчас надо разведать обстановку, найти возможных союзников и понять, как отсюда сбежать. Причем не просто сбежать, а с доказательствами. Если я в таком виде заявлюсь к папе, он меня даже слушать не будет. Вряд ли он сможет узнать свою золотую доченьку в этой старой толстухе. Можно, конечно, сказать что-то, что знаем только мы – в фильмах обычно это срабатывало. Но, насколько я знаю папочку, он скорее решит, что я причастна к похищению его девочки и выпытала эту информацию у неё. Так что так дело не пойдёт. Хотя, в крайнем случае, если у меня не будет другого выхода – придётся все-таки обратиться к нему. Надеюсь, он меня хотя бы выслушает, а не сразу убьёт. Впрочем, до него еще добраться надо. А значит, нужны союзники. Тот парень, Гринька, вроде не очень дружелюбно настроен к лесорубу, зато проявляет заботу по отношению ко мне. Этим можно воспользоваться. А еще есть соседи – вдруг они не участвуют в постановке, а просто живут рядом? Этот вариант стоит проработать. У них можно получить информацию о собственном местонахождении, и, возможно, попросить о помощи.

Тут хлопнула дверь – это вернулся Гринька. С безголовой тушкой дохлой птицы, которую он держал за обрубок шеи.

Отдал Даринке и ушёл. Даринка забрала тушку, кинула в таз, затем плеснула на неё ковшиком воды из бака, стоявшего на печи. От воды шёл пар.

– Матушка, – обратилась ко мне Даринка, – ты ставишь воду, а я курицу ошипываю?

Я кивнула – самой мне к этой мертвой птичке притрагиваться не хотелось – и двинулась к печке. На полке рядом стояли разных форм котлы и котелки, с крышками и без. Внутри печки горел огонь, пробиваясь через заслонку. Сверху была железная плита, а в ней какие-то металлические круги разных размеров. И как этим пользоваться? Нет, я, конечно, умела готовить кофе, ну и, там, омлет с зеленью могла организовать – я не была беспомощной девицей, которая и позавтракать не может самостоятельно. Всё-таки почти год я жила отдельно от родителей, и не всегда служанка была рядом. Но я всё это делала с помощью современной техники, а не вот этого всего.

Ладно, Даринка сказала, надо поставить воду. А зачем? Видимо, чтобы сварить несчастный птичий труп (хотя я и была рада, что жертвой топора стала эта птичка, а не я). Для такого трупа нужна посудинка побольше. Взяв средних размеров котёл, я отправилась искать воду. Обошла всю хату, которая состояла из одной этой комнаты – довольно большой, конечно, но всё же. Не обнаружила ни раковины, ни входа в санузел. Где воду-то брать? И ладно воду, куда они в туалет-то ходят? Единственная дверь из хаты вела во двор.

– Даринка, а где воду-то брать? – Спросила я. Даринка отвлеклась от процесса выдиранья перьев из птичьей... тушки, и посмотрела на меня:

– Ась? А что, уже кончилась? – Удивилась она. – Вчера же с вечера наносили!

Она вскочила, обтёрла руки о передник – так вот зачем он нужен и вот почему он у всех такой замызганный! – и подошла к стоящим у окна на скамейке здоровым бочкам. Сдвинула крышку с одной из них и перевела на меня недоуменный взгляд:

– Матушка, ты чего? Вот же, полная бочка воды! И котёл бы ты побольше взяла, суп же варить будем!

В общем, с Даринкиной помощью мы сварили-таки обед. Надо сказать, интересный опыт. Я чистила картошку сама, ножом! Ковыряла ей глазки, представляя, что это глаза неведомых мне похитителей-извращенцев, заточивших меня в это жуткое тело. И я научилась пользоваться печкой! Оказывается эти круги – что-то типа функции регулировки температуры у обычной плиты. Сдвигая их по очереди в сторону, можно постепенно увеличивать площадь открытого огня, что, в свою очередь означает более высокую температуру воздействия. Прямо-таки лабораторка по физике!

Мне, может быть, даже понравилось бы, если бы я здесь на экскурсии оказалась. Но я блин, не на экскурсии ни разу! И стоять, и двигаться в этом теле с лишними килограммами мне было непривычно и тяжело, а еще я чувствовала

какое-то оупение, опустошение. Словно не могла принять до конца, что всё это происходит на самом деле, что со мной действительно случилось что-то плохое, нет, что-то просто ужасное!

Глава 2

На стол накрывать нам помогала еще одна девчонка, лет десяти-двенадцати, по имени Лялька. Не шучу, её и правда так звали. Ну или, может, кликуха такая – не знаю. Потом вернулись лесоруб с Гринькой, а за ним в дом потянулась вся эта малышня, что пялилась на меня во дворе.

Каждый из них ополоснул лицо и руки в тазу, не меняя при этом воду – я порадовалась, что успела помыть руки раньше всех. Тётки с младенцем не было. И хорошо. Одно дело – накормить мужиков и детей супом, и совсем другое – покормить младенца грудью. К такому я была не готова. И я, конечно, не очень хорошо знала анатомию, но всё-таки была уверена, что даже в большой груди не может быть молока, если женщина не рожала. Или может?.. То есть, пластика могла сделать из меня толстую пожилую тетку, но никак не кормящую мать. Это просто невозможно! Так ведь?

Лесоруб устроился во главе стола, я – на другом конце, напротив, дети расселись на лавки по бокам стола. Перед каждым стояла деревянная миска с супом и лежала деревянная ложка. Перед лесорубом на столе лежал круглый черный хлеб – Даринка его из ларя над печкой достала. Мужик взял эту буханку в руки, отломил себе кусок, а буханку передал Гриньке, сидевшему по правую руку. Тот тоже себе отломил хлеба, передавая дальше по кругу. Ну и я отломила, когда

до меня очередь дошла, и передала Даринке. Станный ритуал, ну да ладно. Тут всё странно, особенно то, что со мной произошло.

Ели, по большей части, молча. Потом лесоруб – так и не узнала до сих пор его имени – поднялся и вышел. За ним разбрелись мелкие. Со мной остались только Даринка и Гринька. Так, и что теперь делать? Есть у меня на сегодня еще какие-то обязанности? Даринка стала собирать посуду со стола, но Гринька её остановил:

– Дай я, – и тут он сделал какой-то непонятный жест, и все грязные тарелки, а также котелок – оказались сухими и чистыми! Что-о-о? Как он это сделал? Что за спецэффекты оффлайн?

– Ты что? – Зашипела на него Даринка, и покосилась на дверь. – А если отец увидит?! Ты же знаешь, как он отреагирует, никому мало не покажется.

– Да ладно, – беспечно отмахнулся парень, – я ж помочь хотел. Ты не расскажешь – он и не узнает.

– Дурак! – Припечатала Даринка и отвернулась. Гринька ушёл, а я задумалась. Если отцом они называют этого здорового лесоруба, а меня – матушкой, то... я попала!

От неутешительных мыслей меня отвлекла Даринка:

– Матушка, я подмету в доме или мы пойдём на речку, белье стирать?

В смысле, белье стирать? И почему на речке? Нет, я понимаю, если они тут разыгрывают какую-то историческую пье-

су, то прачечных и стиральных машин тут нет, слуг у нас, вроде как, тоже не обнаружено, а это значит, что... Не-не-не, не буду я ничего стирать, пусть лучше сразу прибьют! Конечно, маникюр они мне изуродовали даже хуже, чем тело, но мои руки всё равно не созданы для чёрной работы. Чтобы Владислава Соколова стирала вещи вручную, как какая-нибудь... даже не знаю, кто! Кто вообще сейчас вручную стирает? Кстати, вот интересно, как они мне кутикулу нарастили? Ладно, лак можно снять, ногти обрезать под корень, но как, и, главное, нафига они заморочились, чтобы вернуть мне кутикулу и заусенцы?

– Э-э-э, знаешь, Даринка, я что-то не очень хорошо себя чувствую. Может, в другой раз? Ты можешь подмести тут пока, а я к соседке сбегаю.

Сказала – и смотрю на её реакцию. Мало ли, вдруг у них приказ, чтобы не выпускали меня со двора. Но нет, Даринка только кивнула и веник взяла. Я быстро выскользнула за дверь. Ну, настолько быстро, насколько это тело позволяло. Двигаться было неудобно, да еще эти груди тянули книзу и наливались тяжестью. Надо какой-то бюстгальтер придумать, что ли, а то совсем же отвиснут, и без того ходить неудобно – при каждом шаге колыхаются. Жуть, как женщины с такой грудью живут вообще? Хотя, в современных условиях, да с правильно подобранным бельём, все не так плохо, пожалуй.

В прихожей увидела ряд странных тапок: словно просто

взяли куски кожи и сшили между собой. Нашла те, которые были под мою нынешнюю ногу, надела – а то до сих пор босиком ходила, как и Даринка, да и прочая малышня тоже. В сапогах ходили только Гринька и лесоруб, да и то, в доме снимали. Хмыкнула, что хоть не лапти, и то хорошо. А то их же там как-то сложно надо было завязывать.

Пока шла до ворот, старалась сдерживаться, чтобы не побежать – но никто меня не пытался остановить, никто даже не попался навстречу. Вышла за ворота, выдохнула. Куда дальше? Бежать не пойми куда, сломя голову, я не собиралась. Раз меня выпускают, значит, могу сбежать и в любое другое время. А вот если сейчас поддамся панике и побегу, а меня поймают – то потом второго шанса сбежать уже не будет. Да и со мной, наверное, разговаривать по-другому будут.

Ох, хорошо, что мы с отцом не раз прорабатывали разные ситуации с моим возможным похищением – папка у меня такой, всегда подстраховывается. С его работой подобного сценария нельзя было исключать, так что, я даже не особо и удивлена, что это всё-таки произошло. Удивляет другое – то, как именно это произошло. Зачем такие сложности? Может, реалити-шоу какое-нибудь снимают? Типа, как люди себя ведут в экстремальных условиях? Да ну, бред, взяли бы тогда обычных людей. Наша семья же засудит организаторов.

Ладно, нужна разведка, значит, пойдём по соседям. Тем более, чего далеко ходить – вон дедок на лавочке загорает.

– Здравствуйте! – Подошла к деду и вежливо поздоровалась.

– Ну и тебе привет, коль не шутишь, Владислава.

Ну вот, тут все меня знают, а я – никого. Косвенно это подтверждает, что они все – нанятые актеры.

– Отдыхаете? – Спросила я, не зная, как начать разговор.

– Ага, – ответил мне в тон дедок.

– А в город давно не выбирались? – Нашла я безопасную, на мой взгляд, формулировку.

– Давненько... А что, надо чего, что ли? – Прищурился дед.

– Да вот, хочу купить кое-что для дома, аксессуары там различные, – на ходу сочиняла я.

– Аксе...чего?

– Товары, говорю, для дома нужны, – исправилась я.

– А, ну понятно, понятно. Так ярмарка через две недели – скажи своему, пусть съездит, купит, что надо.

– Спасибо, так и сделаю. А где ярмарка будет? – Попыталась невзначай выяснить своё местонахождение.

– Известно, где – в Жданове. До других городов неделя пути, не меньше.

– Спасибо. Скажите еще, а в Москве вы бывали когда-нибудь? – Затаив дыхание, ждала ответа. Где находится город Жданов, я понятия не имела – Россия большая, а вот если удастся узнать, далеко ли мы от Москвы – это будет очень хорошо. Но ответ дедка меня разочаровал.

– Не бывал, даже не слышал никогда. Я вообще дальше Жданова не бывал. Как переселился сюда из Сукеевки тридцать лет назад, так и живу тут. А ты была там, что ль?

– Была... – Вздохнула я. Видно, мы совсем в глуши какой-то находимся. Как можно было не слышать про Москву? Врёт, что ли?

– Это когда ты успела? Тебя ж сюда совсем молоденькую Гиртан привёз. А потом всё дети, да хлопоты домашние. Ты, поди, и в Жданове не была ни разу.

– Да это я давно, в детстве еще, – подыграла я деду. Раз он говорит, что давно меня знает – значит, тоже в деле. Актер, то есть. И значит, словам его верить нельзя. Нужен другой источник информации. Так, интересно, а Гиртан – это кто, лесоруб, типа? Новый источник информации обнаружился неподалеку: бабы, несколько штук разного возраста, стояли возле колодца и триндели о своём. Наверное, последние новинки в мире моды обсуждали. Впрочем, одеты они были реально лучше меня: вроде те же платья и передники, но уже с вышивкой, с разными цветными декоративными элементами, и – чистые! И как я в таком виде к ним подойду? Засмеют же. Вспоминай, Влада, как была королевой школы, и, когда Светка вылила стакан колы на твой любимый брючный костюм, ты спокойно шла под насмешливыми взглядами, не теряя достоинства. Они – либо обычные деревенские бабы, либо нанятые второсортные актрисульки, а ты в любом виде остаёшься Владиславой Соколовой. Так что, плечи распра-

вим – и вперед!

В общем, подошла я к этим бабам, послушала немного их сплетни (из которых ничего не поняла, так как имена были мне незнакомы). А потом, вроде как, между прочим, поинтересовалась, поедет ли кто из них на ярмарку в Жданов. Выяснилось, что Аглая – румяная тетка лет тридцати, едет с мужем на весь ярмарочный сезон. Потому как (цитата её соседки) «всё одно бездетные, да и скотины своей нема, чего бы и не прохладиться неделями напролёт». На что Аглая что-то резко ответила ей, та в ответ тоже что-то сказала – и понеслось. Ругались минут десять, остальные с восторгом слушали, иногда подначивая то одну, то другую сторону. Простые развлечения простых людей. Потом разговор снова свернул на ярмарку.

– Девушки, – польстила я теткам, так как девушкой самая молодая из них была лет двадцать назад, – а вы в Москве когда-нибудь были?

Ответом мне стали отрицательные покачивания головой.

– Ну, вы хоть знаете, где она находится, далеко ли отсюда? – Продолжила я допрос. Но снова получила только отрицательные ответы. Так, стоп, Москва вроде не так давно существует, а если это – историческая пьеса... Так, что там было до Москвы? Киевская Русь? Великий Новгород? Но ни о Киеве, ни о Новгороде, ни о Пскове бабы не слышали. И только всё больше мрачнели, наконец, одна не выдержала:

– Ты что, Славка, умную из себя корчишь? Сама-то нигде

не была, кроме своего огорода. Услышала где-то названия иноземных городов или вовсе придумала, а теперь похваляется! Шла бы лучше дитё кормить, вон уже, и молоко подтекает!

И она невежливо ткнула в меня пальцем. Тут-то я и заметила то, чего до сих пор не замечала, поскольку всё моё внимание было сосредоточено на добыче информации: у меня на платье расплзлись два влажных пятна в районе груди... Что это? Что это за нафиг?!

– В самом деле, Слав, – вмешалась Аглая, – Настька сказала, ты приболела, ну так ты хоть сцеживай молоко, раз не кормишь сейчас. А то застой молока вреден. Впрочем, кому я рассказываю, ты же семерых выкормила, должна сама всё понимать.

Последние слова я дослушивала уже на бегу. Мне нужно добраться до дома и всё проверить лично. Эти бабы тоже актрисы, а пятна на одежде? Да кто-нибудь из них брызнул из распылителя незаметно, пока остальные отвлекали меня разговорами. Никакое это не молоко, что вообще за бред? Это невозможно, просто невозможно, и всё!

Дома была только Даринка. Она, окинув меня взглядом, отложила веник:

– Я к тётке Насте сбегаю, пусть она Андрейку принесёт.

И выскочила за дверь, оставив меня в непонятках: куда и зачем она побежала, что за тетя Настя? Ничего не поняла. В этот момент грудь как-то налилась, потяжелела будто, и я

отчетливо почувствовала тонкие струйки, стекающие по коже. Мама, да что со мной такое?! В одно мгновение я сорвала с себя этот мешок, что местные по недоразумения считали одеждой, и уставилась на грудь. Маааа-мааа. Это что, м-м-молоко?! Сдавила рукой – брызнуло.

Твою ма-аску для лица! Мне срочно нужен Гугл! Кажется, я где-то давно и краем уха слышала информацию, что всё-таки можно искусственно вызвать появление молока у нерожавших. Как бы проверить, а заодно и понять, чем это чревато для меня? Вот ведь извращенцы – организаторы этого квеста, кто бы они ни были! Моего Айфона и вообще каких-либо принадлежащих мне вещей я здесь не обнаружила. Просить смартфон или ноутбук у кого-то из похитителей – глупо. И вообще не факт, что в этой глуши связь ловит. Наверняка, они это предусмотрели. Что же делать? Так, прежде всего, надо одеться. Очередная бесцветная юбка и рубашка. Надо бы еще все-таки придумать что-то вместо бюстгалтера, а то вообще невозможно: мало того, что грудь гигантская, отвисает, колышется при каждом шаге, так теперь еще и течь начала! Так, а вот и Даринка вернулась, а с ней... О-о-о, нет! Опять эта баба с дитём! Сейчас снова начнёт заставлять его грудью кормить, и главное – я уже не смогу отговориться тем, что у меня молока нет! Потому что молоко-то – вот оно! За что мне это, а?.. Нет, тот, кто всё это придумал – точно извращенец!

Тетка, которую Даринка называла тётёй Настей, смотрела

на меня настороженно. Оно и понятно – она же мою истерику видела. Может, еще одну устроить, тогда она опять младенца унесёт? Ага, а лесоруб тогда не ведро воды на меня выльет, а меня саму в воду кинет. Тем временем тётка заметила промокшее платье и её брови удивленно приподнялись.

– Славка, ты чего, так сильно головой стукнулась? Смотришь на меня, будто не узнаёшь, истерику устраиваешь – де-тей пугаешь, теперь вот молоко не сцедила... Совсем дурная, что ли? Или горячка разум помутила? Так вроде не было у тебя лихорадки, так, приболела слегка. Нет, точно – в обморок неудачно упала, голову себе повредила. Только бы временно, а не навсегда, – рассуждала сама с собой тётка.

Я прислушивалась к её словам, и меня постепенно охватывал ужас: а вдруг всё правда? Вдруг я вышла замуж за этого громилу-лесоруба, переехала с ним в глухую деревню, нарожала ему кучу детей, состарилась, а потом заболела, переутомилась, упала в обморок, ударилась головой и частично потеряла память? И теперь помню себя такой, какой была в юности – молодой красивой девушкой, без пяти минут студенткой Кембриджа. Но что-то в моей жизни пошло не так, как я планировала, где-то я не туда свернула, и вот я здесь, а мой разум отказывается помнить годы моего катастрофического провала и позора?

И ведь, если подумать, то сюда всё вписывается: и старость, и лишний вес, и соседи, и молоко, и кутикула. Нет никаких похитителей-извращенцев, никто не делал мне пла-

стическую операцию и не вызывал искусственно молоко. Это слишком сложно, слишком нереально, чтобы быть правдой. Зато в версию амнезии всё это прекрасно укладывается. Вот черт!

Видимо, я переменялась в лице, потому что тётка со словами «На-ка, поддержи» передала Даринке спящего младенца, а сама обняла меня за плечи, усадила на лавку, и стала утешать:

– Ну, не беда, не беда, придешь еще в себя, я тебе помогу. Меня хоть помнишь? Настасья я, сестра твоего мужа, через три дома от вас живём.

Я покачала головой:

– Не помню...

И разрыдалась. Настасья прижала меня к себе, гладила по голове, шептала что-то утешительное, а я редела так, как не редела с детства. На удивление, Настасья напонила мне маму – та в детстве тоже вот так ласково гладила меня по голове, и говорила, что коленка заживёт, а противный мальчишка непременно еще захочет со мной дружить... Постепенно я успокоилась и затихла, как обычно затихала в маминых объятиях. И тут надо было этой Настасье всё испортить:

– Сейчас ребеночка покормишь, и сама ложись отдыхай, а мы тут по хозяйству сами справимся...

– Что? – Взвилась я, выскальзывая из-под её рук. – Я не буду его кормить! Я его вообще не знаю, это не мой ребёнок, не мой! Я никогда не рожала, а вас всех знать не знаю! Я хочу

домой! Отпустите меня, пожалуйста!..

Если до этого я кричала, то на последних словах мой голос стал затихать, и под конец я разревелась с новой силой, закрыв лицо руками. Мне вторил проснувшийся младенец. Даринка, стоявшая до этого столбом и с открытым ртом наблюдавшая представление, спохватилась и стала трясти ребенка, укачивая его. Настасья снова принялась меня утешать, объясняя, что я всё вспомню, а сейчас, если не ради ребёнка, то ради меня самой, я должна его покормить, а то с грудью будут проблемы, и я сама могу заболеть из-за этого.

В общем, как-то она меня уговорила. Я сама была в каком-то оцепелом состоянии, когда мне в принципе всё равно, что происходит. Тут и Даринка шепотом обратилась к Настасье, опасливо косясь на меня:

– Тёть Насть, не успокаивается – голодный.

Настасья взяла ребёнка, показала мне, как правильно его держать, как давать грудь. И в тот момент, когда малыш на моих руках потянулся ко мне и начал кушать, во мне всё перевернулось. Я прижимала его к себе и вопреки всем доводам рассудка понимала – это действительно мой ребёнок, моё дитя, моя плоть и кровь. Я чувствовала с ним удивительную близость, единение, и в этот момент готова была защищать его от всех угроз – до последней капли крови.

Волна невероятной нежности и любви накрыла меня с головой. Я любовалась его щечками, его крохотными пальчиками, а когда он раскрыл свои глазки цвета пасмурного неба

и посмотрел мне прямо в душу, то моё сердце сжалось. Возможно, во мне просто проснулся материнский инстинкт, но в тот момент я твердо решила, что это мой сын, и я с ним не расстанусь. Я не думала о том, как буду объяснять родителям его происхождение, если меня всё-таки похитили, и я когда-нибудь вернусь домой; я думала о том, что ради этих глаз, ради этого крошечного сердечка, бьющегося в унисон с моим, я сделаю, что угодно.

Наконец мой сынок наелся, но я не спешила выпускать его из рук. Я протянула к нему руку, и он тут же ухватил меня за палец своей маленькой ручкой, вызывая этим действием мой счастливый смех. Услышав, как я смеюсь, моё маленькое чудо тоже разулыбалось и начало что-то гулить на своём младенческом языке. Так мы общались какое-то время, а потом его глазки стали закрываться, и скоро он тихонько посапывал на моих руках.

– Слав, – неожиданно раздался надо мной голос Настасьи, – надо его аккуратно положить в колыбель.

Я и забыла, что тут есть кто-то еще. Подняла голову и увидела, как Настасья тепло улыбается, глядя на нас. Даринка же куда-то сбежала, а я даже не заметила этого.

Глава 3

Остаток вечера Настасья рассказывала, как часто надо кормить ребенка, как за ним ухаживать, показывала, где что лежит, какие продукты хранятся в подвале (или «подполе», как говорила она), а какие – в погребе на улице. Уборную мне она тоже показала – та также оказалась на улице и представляла собой странное деревянное строение, где вместо унитаза – небольшое возвышение с дыркой посередине.

Мыться ходили либо в баню, которая тоже стояла отдельно и на значительном удалении от дома, либо в тазу, а летом бегали на речку. Я выбрала тазовый вариант, так как оказалось, что баню надо заранее топить, а это очень долго, и вообще, тут баня топилась только на выходные. Ну и мыться в реке я как-то брезговала.

Затем Настасья помогла мне накрыть стол к ужину – на ужин у нас были молоко и творог из погреба, а также ритуальный хлебушек. А еще она показала мне, где лежат спальные принадлежности, и где кто спит. Дети постарше спали на лавках, которые стояли вдоль стола, и которые днём были вместо стульев. Малышня спала кучей на печке – там был специальный закуток для этого. Младенец, понятное дело, спал в своей колыбельке, а единственная в доме кровать принадлежала мне пополам с лесорубом, который действительно оказался моим мужем.

Вот тут я подзависла. Если Андрейку принять в качестве собственного ребёнка я смогла, то остальные дети были мне пока что чужими, и уж тем более чужим и страшным казался мне этот суровый мужик. Делить с ним кровать я была не готова. А ну как, приставать начнет? Судя по количеству детей, он это дело любит и практикует... Не-не-не, вот на это я точно ни за что не соглашусь! Во-первых, я его совсем не знаю, во-вторых, он старый, в-третьих, я его боюсь, в-четвертых, какого чёрта я вообще рассматриваю эту возможность?!

Своими страхами я поделилась с Настасьей. Она пообещала сама поговорить с братом, объяснить ему моё состояние. Будем надеяться, этого хватит, чтобы он ко мне не лез хотя бы первое время. А дальше ориентируюсь. Возможно, удастся сбежать... В первую очередь мне надо разобраться с происходящим, понять, что случилось и где я нахожусь. А потом уже разбираться с остальным.

Однако боялась я напрасно. Настасья не успела в тот же вечер поговорить с братом, так как за ней пришел её собственный муж и чуть ли не за руку уволок домой. После ужина все стали готовиться ко сну, а меня начало слегка потряхивать. Но мой так называемый «муж» загасил свечи, лёг на свою половину кровати, отвернулся и через минуту уже храпел. Честно, стало даже как-то обидно. Я тут отбиваться приготовилась, а никаких поползновений даже не было. Конечно, мужик-то хоть и старый, но вполне подкаченный – видела я его мускулы, когда он после работы в тазу умывался,

стянув рубаху. А я-то сейчас как квашня выгляжу... Обидно. Особенно обидно, что я не виновата в этом. Одно дело, когда девчонки ноют, что толстые, а до этого сами же бесконтрольно лопали сладости, а другое дело, когда всю жизнь следила за фигурой, ходила в фитнес-клуб, а потом – бац, и всё равно толстая.

Впрочем, сейчас это не самая моя большая проблема. Я до сих пор не понимаю происходящего, а когда пытаюсь об этом думать, голова идёт кругом. Никак не получалось увязать известную мне действительность с происходящим сейчас. Буду надеяться, что утро вечера мудренее, и попробую поспать.

Однако до утра спать мне никто не дал. Я слышала сквозь сон, как надрывается младенец, но продолжала спать, пока не почувствовала тычок в бок и злые слова «мужа» о том, что если я сейчас не встану и не покормлю ребенка, он на меня еще одно ведро выльет. Пришлось вставать. Андрюшка сразу успокоился, едва попал ко мне на руки. Держать его было немного страшно – настолько он был крошечным. Кажется, в течение ночи я еще не раз просыпалась, на автомате кормила малыша, и снова засыпала. В итоге утром проснулась от очередного тычка – «муж» требовал завтрак. И чем мужей обычно кормят по утрам?

Я, в свою очередь, растормошила Даринку – всё равно сама я ничего приготовить не смогу. Нет, печкой я научилась пользоваться, но там сейчас не было огня – как на ней гото-

вить-то? Да и омлет я бы могла приготовить, но где брать яйца? Не видела я вчера во время ревизии с Настасьей, где они хранятся и есть ли они у нас вообще.

Даринка проснулась, потерла глаза, вздохнула и стала одеваться. Затем мы с ней отправились в какую-то деревянную пристройку, откуда доносились разные непонятные звуки – хрюканье, мычание, кудахтанье. Зашли в одну из дверей и оказались в месте, где полно кур. Ну и запах тут стоял, бе-е-е. Даринка зашла прямо внутрь помещения, прошлась по периметру и насобирала в плетеную корзинку яиц. Просто запускала руку куда-то в пучок сухой травы, которой тут было всё обложено, и доставала яйцо! Магия, не иначе.

Затем мы зашли в другую дверь. Там были коровы. Всего две штуки, но с рогами. Там Даринка ополоснула руки, взяла ведро и стала доить корову. Глядя, как она сжимает и тянет животное за соски, я невольно поежилась, ощущая себя примерно такой же дойной коровой. Обратное ведро с молоком тащила я, а Даринка несла корзинку с яйцами. Затем молоко надо было перелить в бидон, остатки молока вылить в кувшин на столе, а само ведро сполоснуть и вернуть коровам.

Потом я приготовила-таки омлет с зеленью! Даринка по моей просьбе сбегала и нарвала какой-то травки прямо с грядки. Да, есть всё-таки свои плюсы в деревенской жизни! Еще мы варили кашу из какой-то желтоватой крупы. Ну, как мы – Даринка варила, я смотрела. А под конец готовки проснулся Андрейка и я села его кормить, выпив предвари-

тельно стакан молока. Затем малыш продолжил спать, а мы все сели завтракать.

Боже, это невообразимо вкусно! Тот омлет, который я готовила в Москве, кажется жалкой подделкой по сравнению с тем, что получился у меня здесь! Уж не знаю, с чем это связано – может, качество яиц и молока выше? Но вкус изумительный! И судя по тому, как стучат деревянные ложки по мискам, нравится не только мне. «Муж» даже послал мне довольный взгляд, отчего я чуть не поперхнулась.

После завтрака у нас было много дел: надо было печь хлеб на неделю, готовить обед, распределять обязанности среди детей – оказывается, все, кроме самых маленьких – Андрейки, который еще в колыбели, и Маруси, которой три года, – работали вместе со взрослыми и имели свои обязанности. Так я, наконец, познакомилась со всеми детьми и смогла составить в голове их список, начиная со старших: Гриша – самый взрослый, ему двадцать лет, Дарина – шестнадцать лет, Стёпа – двенадцать лет, Ляля – десять лет, Егор – семь лет, Маруся – три года, Андрейка – пять месяцев. Если верить этому списку, последние двадцать лет я рожала-беременела каждые два-три года, то есть, практически, непрерывно. Ужас!

Соотнести это с тем, что мне всего девятнадцать, а мой старший сын старше меня на год, никак не получалось. И если учесть, что мне примерно сорок (надо уточнить у Настасьи), то, получается, я, вместо Кембриджа, чуть ли не сразу

после вечеринки в клубе, вышла замуж, уехала в глушь, где даже о Москве не слышали, и стала постоянно рожать!

Ну не могла я так сделать, никак. Не в моём это духе, разве что меня постоянно под наркотой держали. Но тогда бы таких здоровых детей не получилось. Закрадывались у меня сомнения в правдоподобности версии с амнезией.

Ладно, это потом, а пока – что там, на повестке дня? Егорка у нас отвечал за выпас коров, Гринька и Стёпка помогали отцу – тот работал в поле (что-то у нас там росло), заготавливал дрова в лесу, чинил постройки, – словом, делал всю мужскую работу и гонял мальчишек. Ляля контролировала Егорку (а то он мог куда-то убежать, бросив коров на выпасе), а также помогала нам с Дариной по хозяйству. Вообще, Егор и Ляля часто вместе хулиганили, как рассказала Дарина, но на то они и младшие. А вот Марусю тоже потихоньку приучали к работе, но пока больше номинально, т.к. пользы от неё не было никакой, а контроль требовался. Всё-таки, три года – совсем несмышлениш еще. Иногда с ней и с Андрейкой сидела Лялька, иногда – Дарина. Часто, по рассказам девочек, Маруська оставалась под моим приглядом: я ей давала какое-то простое задание, она возилась в уголке тихонько, а я делала дела.

Было странно слышать о себе что-то, чего я не то, что не помнила, но что мне вообще казалось невероятным в отношении себя. Всё ощущалось каким-то нереальным.

После обеда – снова дела: мы с Даринкой всё-таки отпра-

вились на речку стирать белье, так как грязных пелёнок Андрейки накопилось очень много. Когда мне пришлось первый раз менять ему пеленку, меня чуть не вырвало. Спасибо Даринке, снова пришла на помощь. Она же слышала наш разговор с Настасьей о моей потере памяти, и теперь терпеливо старалась помогать и подсказывать, если я чего не умела. Гринька, когда был дома, тоже очень мне помог.

Вообще, раньше я бы не обратила внимания на таких простоватых деревенщин, какими были Гринька с Даринкой – не говоря уже о том, чтобы общаться с ними и, тем более, дружить. Но сейчас я начала понимать, что за пару дней они мне помогли больше, чем мои прежние друзья за всю мою жизнь. Я не могла представить, чтобы Роза, взяв влажную тряпочку из моих ослабевших пальцев, стала обмывать попу младенца, только что наделавшего в памперс. А если учесть, что памперсов тут не было (непонятно, почему, кстати), то всё становилось ещё сложнее. Грязные пеленки надо было сразу же замыть, а потом уже, вместе с остальным бельем, постирать.

Вода в реке была уже довольно тёплой, но не такой, какой была бы из-под крана. Даринка меня учила стирать, но получалось плохо. Вдобавок через час у меня стала болеть поясница, так, что я едва разогнулась. Нет, стирка – определенно не моё. Но как-то мы всё-таки закончили, правда, полоскала белье Даринка одна, а отжимала вместе с вернувшимся с выпаса Степкой. Они же и развешивали выжатые

вещи во дворе на веревочках. А я в это время лежала и не могла подняться. Затем был ужин, и снова, как только мы улеглись, «муж» моментально уснул, а я, вымотанная, отрубилась следом.

В таком ритме прошло несколько дней, в течение которых мне даже некогда было подумать над ситуацией. А потом наступили выходные и баня. Топили её мужики, мы с Даринкой туда даже не совались – своих дел было по горло. Ближе к вечеру баня была готова и мы разделились: мужики отправились вместе с мужем Настасьи и её двумя сыновьями – в баню на их участке, а бабы – то есть, я, Настасья, Даринка, Лялька и Маруся – пошли в нашу баню. Андрейка, понятное дело, отравился с нами, а не с мужиками.

Лялька пара не любила, быстро помылась и выскочила в прихожую, которая здесь называлась «предбанник», я быстро обмыла и вручила ей Андрейку, а вот Марусю пришлось отмывать в тазу в шесть рук (мои, Даринкины и Настины) – уж очень она орала и брыкалась, не желая мыться. В итоге детей мы быстро отравили домой, а сами остались париться.

Ну, что я могу сказать? Была я несколько раз в сауне, но такое испытала впервые. Как меня Настасья веником хлестала – я думала, кожа слезет. Но нет, всё нормально было, даже хорошо – поры дышат, лёгкость во всём теле. Зря я сперва отказывалась, но Настасья – молодец, не стала слушать. Вообще, она оказалась хорошей баб... женщиной. Тоже мне во многом помогла: без неё и Даринки я бы не справилась, и

меня бы просто «муж» прибил. Настька с ним поговорила, кстати, насчет меня. Судя по всему, ему моё состояние было безразлично – до тех пор, пока я могла продолжать работать. И он пообещал ей, что не тронет меня, пока ребёнок маленький. Да-а-а, возиться со мной тут никто не собирался, да и не было ни у кого такой возможности – дел выше крыши.

Как-то незаметно я стала принимать дела этой семьи, как свои собственные, всё чаще говорила «мы», «нас», причисляя себя к этому семейству, забывая, что это – не моя жизнь. Нет, так дальше дело не пойдёт. Мне нужно время, чтобы всё проанализировать и обдумать. Как его выкроить? Ну-у-у, у меня же есть помощники, верно? В своё время я не зря была королевой школы: я всегда могла управлять людьми и организовывать их работу. Я считала это своим талантом и думала, что в дальнейшем это станет моей профессией. Что мешает мне организовать работу моих помощников так, чтобы выкроить время для себя? Я решила, что, как только достаточно вникну во все дела, так и сделаю. А пока буду наблюдать и учиться – с учебой у меня никогда не было проблем, всё-таки не в последнем заведении в Москве училась, да и в Кембридж не за красивые глазки взяли. Деньги деньгами, но всех подряд туда не принимают. Да, работа здесь бывает неприятна, да еще и требует определенных навыков, которыми я не обладаю – но жить захочешь, еще и не то сделаешь. А научиться можно всему.

После бани я напоила детей морсом, накормила и поло-

жила спать, а сама осталась ждать мальчишек и «мужа». Настасья давно уже убежала к себе – её мужу и сыновьям ведь тоже надо было ужин приготовить. Но девочки спать не хотели, пока не вернётся отец с братьями.

– Мам, расскажи сказку! – Попросила меня Маруся.

Я попыталась отказаться, но Маруся захныкала, уверяя, что раньше я всегда после бани им сказку рассказывала. Ну, я и пересказала им сюжет «Ходячего замка» – уж очень я сейчас ассоциировала себя с несчастной девушкой, которую злая ведьма превратила в старуху. Хотелось бы верить, что я, как и она, пройду все испытания с гордо поднятой головой и обрету снова молодость и красоту, ну и любовь в придачу. Хотя можно и без последнего – мне еще учиться надо, я замуж раньше тридцати не собираюсь.

Сказка детям понравилась. Где-то на середине истории пришли наши мужчины, и мальчишки присоединились к числу слушателей, даже лесоруб вроде бы прислушивался – но на него я старалась даже не смотреть лишний раз. Мы с ним вообще почти не общались: я откровенно побаивалась с ним заговаривать, а он ко мне обращался с короткими фразами по делу, типа «что на обед?» или «передай свечу» или «встань и покорми ребенка, наконец!». Меня такое положение дел вполне устраивало.

Глава 4

Марусяка после этой сказки на ночь от меня не отлипала и не отставала ни на шаг. Хотя она и раньше больше других детей ко мне была привязана – наверное, в силу возраста. И, глядя на неё, я понимала – ребёнок не может так сыграть любовь. Она действительно видит во мне свою мать, а это делает версию с амнезией более правдоподобной.

Соседи, муж, даже старшие дети – все могут быть нанятыми актерами, но только не эта маленькая девочка. С ней я, как и с Андриюшей, чувствовала родственную связь. Это невозможно объяснить с рациональной точки зрения, только на уровне ощущений. Я просто чувствовала, что они мои дети. Я не говорю, что чувства не могут меня обманывать: возможно, всё дело в пресловутом материнском инстинкте, либо в том, что у нас установился близкий психологический и физический контакт (только их двоих я обнимала и целовала) – словом, я не разбираюсь во всех этих психологических вывертах. Сюда бы Розку – вот кто любитель порассуждать на тему модных психотехник.

К старшим, особенно к Грише и Дарине, я не могла относиться как к собственным детям, и старалась воспринимать их просто как родственников, например, двоюродных братьев и сестер. Если трёхлетняя Марусяка с натяжкой еще могла бы быть моей дочкой (если бы я её в 15 лет роди-

ла, ага), то остальные – точно нет. Если я сейчас попытаюсь представить себя мамой взрослых детей – то точно свихнусь. Нет уж, пусть лучше так – по крайней мере, пока я всё не выясню. И если – если я всё-таки приду к выводу, что у меня действительно амнезия, и это – моя реальная жизнь, тогда и начну думать, как с этим всем смириться и что предпринять дальше. А пока не стоит на этом заикливаться. Не стоит, говорю.

С Настасьей я подружилась: хоть она и была намного старше меня, но, так получилось, что сблизилась я с ней гораздо больше, чем с почти что моей одногодкой Дариной. Просто кроме Настасьи меня никто не мог проконсультировать по всем этим пелёночным делам, да и по вопросам ведения хозяйства она мне хорошо помогала. Кроме того, эта женщина заражала своим оптимизмом – рядом с ней всегда было тепло и светло на душе. И она напоминала мне маму своей заботой – с одной только разницей: мама дарила свою заботу только мне и папе, а Настасья заботилась обо всех вокруг. Например, в те первые дни, когда я никак не могла осознать, что всё происходит на самом деле, она очень мне помогла. И оказывается, она заботилась о моих младших, пока я «болела» (по её словам, я сильно простудилась, и от слабости упала в обморок, ударившись головой – отсюда и проблемы с памятью). Помогала мне сцедить молоко, чтобы не застаивалось, но Андрюшку кормила козьим (у них несколько коз) – чтобы ему от меня моя болезнь не перешла. И потом ме-

ня всячески поддерживала, восполняла пробелы в памяти по моей просьбе.

Вот и сегодня мы с ней вдвоём пошли на реку стирать – я более-менее приспособилась к этому процессу, а уж вдвоём выжимать простыни нам было намного легче, чем если бы я это делала одна или с Даринкой. Я у неё расспрашивала о моей жизни с её братом, но она сказала, что сильно не вникала и не лезла в нашу жизнь, только если чем помочь надо было. Родителей она моих не знала, знала лишь, что Гир привёз меня из своего путешествия, в которое он отправился по молодости – хотелось парню мир повидать, да и заработать денег. Ведь их родители уже умерли к тому моменту, а сама Настя была уже замужем. Хозяйство Гиру от родителей осталось небольшое, большую часть он отдал как приданное сестре, а сам отправился на заработки. Где был и что делал – Настасья не знает.

Ну, вроде всё сходится. Парень из провинции приехал в Москву на заработки, там мы каким-то образом познакомились, поженились и уехали сюда. Родители наверняка были не в восторге, но денег выделили – на них и были куплены коровы и прочая живность. Но как я могла на такое пойти – непонятно. И почему я не общаюсь с родителями? Они хоть живы ещё? Сколько хоть лет-то прошло? О, надо было давно этот вопрос задать, это бы многое прояснило.

– Насть, а какой сейчас год? – Спросила я, полоща в реке скатерть со стола.

– Тринадцать тысяч триста восемнадцатый по эльфийскому календарю.

Тут мои глаза полезли на лоб, а скатерть, вырвавшись из ослабевших пальцев, поплыла вдоль берега, уносимая течением, пока не зацепилась за торчащий из воды корень. Я устояла на трепыхающуюся в воде скатерть, и мне казалось, что это мой бедный мозг трепыхается и бьётся в черепную коробку в попытке осознать сказанное, да и всё происходящее в целом.

– По какому календарю? – Ослабевшим голосом переспросила я.

– По эльфийскому, говорю. Ну, или просто триста восемнадцатый, если считать по новому времени. А что?

– Настя, ты что, выпила? – Спросила я, пытаюсь из последних сил найти какое-то рациональное объяснение. – Что ты несёшь? Какие, нафиг, эльфы? Может, ты имела в виду календарь Майя?

– Э-э-э? – Недоуменно спросила Настасья. – А что не так с эльфами? И что за майя?

– Всё не так, Настенька, всё не так, – с улыбкой проговорила я.

Дааа, вот так и сходят с ума. У меня появилась новая теория: я под галлюциногенами. И все окружающие – тоже. И каждый ловит какой-то свой глюк, и при этом каждому кажется, что все видят то же самое, что и он. И только такие вот моменты и способны вскрыть разницу в тех картинах мира,

которые есть у разных людей. Надо проверить, в чем ещё наши глюки не совпадают.

– Настя, давай по порядку. Мы живём в деревне «Соломинки».

Настасья кивает.

– Которая находится где-то в России.

– Где? – Удивляется Настя.

– В России. Или мы в Белоруссии? В Украине?

– Влада, – косится на меня Настасья (ха, я все-таки уго-
ворила её так меня называть), – о чем ты вообще говоришь?
Что это за названия?

– То есть, не там и не там. Хорошо. Как же называется эта
страна?

– А что такое «страна»?

Тут я натурально взвыла. Вскочила на ноги, пихая таз с
грязным бельём.

– Ты издеваешься? Я думала, мы подружились! А ты про-
сто выполняешь инструкции похитителей, да? Вы тут все ак-
тёры, а я почти поверила! Настасья тоже встала, и серьёзно
глядя на меня, попросила:

– Влада, успокойся, пожалуйста. Я правда ничего не по-
нимаю. Объясни спокойно.

И я как-то сразу успокоилась. Значит, всё-таки версия с
театральной постановкой. Ну, что ж. Если это какая-нибудь
Древняя Русь, то тогда, может, и понятия «страны» еще не
существовало, как не было и самих стран. А что было-то? В

голове крутились какие-то феодалы, князья... Эх, надо было лучше учить историю... Хотя, а как сюда вписываются эльфы?! Может, это фэнтезийная постановка? Типа, я участвую не в исторической реконструкции, а в ролевой игре по «Властелину колец», ха-ха. Но там вроде были какие-то страны, или они там как-то по-другому назывались? Ладно, будем перечислять варианты:

– Государство? Республика? Монархия? Княжество? Королевство?

Осознанным взгляд Настасьи стал только при слове «королевство». По её словам, тут действительно есть королевство, которым правит король. Я спросила, как оно называется – чтобы понять хоть, по какому фильму написан сценарий. На что Настасья снова сделала удивленные глаза и сказала:

– Просто Королевство. Зачем его еще как-то называть? Оно одно у нас.

В общем, выяснилось следующее: по легенде, места, где мы жили, никому не подчинялись и в состав каких-либо государственных образований не входили. Каждая деревня, каждый город были автономны. А вот где-то за лесом было настоящее человеческое королевство. Еще были леса эльфов, горы гномов и поля троллей. Я точно в долбанном фэнтези.

Честно говоря, стало даже как-то грустно: я ведь почти свыклась с мыслью об амнезии, почти приняла этих людей как родных. А тут выходит, что всё было ложью – и даже

мои проснувшиеся материнские чувства... С другой стороны я испытала облегчение: ведь это значит, что я могу вернуть свою прежнюю жизнь, как только разберусь, как отсюда сбежать. Но что-то во всей этой истории меня тревожило. Что-то не складывалось.

Серьёзный взгляд Настасьи. Искренние эмоции Маруси. Дети, отчасти похожие на отца, а отчасти – на меня, какой я выгляжу сейчас. Непонятный фокус Гришки, благодаря которому посуда стала чистой.

Я подошла к реке и вгляделась в своё отражение. Я по-прежнему видела полную женщину средних лет, но теперь замечала и кое-что еще. Совершенно другой овал лица, более острый подбородок, другой лоб, другая фигура. И дело ведь не только в полноте. У меня на самом деле намного более узкий таз и плечи, чем я вижу в отражении. И, кажется, я стала гораздо выше. А глаза... В мутном зеркале, в полутьме избы, да в растрепанных чувствах я не разглядела, а вот сейчас видела ясно: мои глаза больше не зеленые – они голубые! Так что, пора признать очевидное: там, в отражении, вовсе не я. Это действительно не моё тело. И тут на меня накатило такое спокойствие.

– Настя, – задумчиво спросила я, – а магия тут есть?

Магия, как и ожидалось, была. Только не здесь, не в нашей деревне, а где-то далеко. Простым людям это всё было так же недоступно, как божу Порш Кайен. Интересно... Значит, Настасья не в курсе фокусов Гришки? И от отца тот скрыва-

ется... Надо бы его расспросить.

Я была неестественно спокойна. Когда у меня были две основные версии происходящего – спектакль и амнезия – причем, обе находили периодически то или иное подтверждение, я психовала, поскольку картинка никак не складывалась. С одной стороны, не отпускало ощущение, что все окружающие действительно воспринимают меня как человека, которого знают давно. А с другой – я-то помнила, что это – не моя жизнь, а значит и знать меня они не могут. Это противоречие дезориентировало, выводило из себя. И вот теперь, когда обе версии объединились в одну – стало легче. Пазл наконец-то сложился.

Местные действительно знали меня – вернее, не меня, а ту женщину, чьей жизнью я по каким-то причинам сейчас живу. Никакой амнезии, никакого похищения не было – я просто оказалось в чужом теле и в чужом... мире? Конечно, есть вероятность, что насчет эльфов и волшебства Настасья меня разыгрывает, но, насколько я её успела изучить, она – не тот человек, что будет издеваться над потерявшей память женщиной. Да и Гришкины фокусы – это же из-за них, ну и еще из-за упоминания эльфов, мне вообще пришла на ум мысль про магию. Так что я действительно в фэнтези, но только это не спектакль, как подозревала я, а реальность. Незнакомая и непонятная, но не менее реальная от этого.

Что же со мной произошло, почему я теперь – не я? Это какое-то наказание мне за грехи от высших сил? Или у меня

тут какая-то миссия, которую я должна выполнить, и тогда меня вернут домой? Или я умерла и переродилась? Но реинкарнация по буддизму означает перерождение в младенца, а не во взрослую женщину. О таком я вообще ни в одной религии или философском течении не слышала. А по философии у меня всегда было «отлично», как и по прочим гуманитарным предметам, которые у нас в гимназии изучались углубленно.

Лично я сама придерживалась всегда агностицизма: мы не можем знать, каков мир на самом деле, нам доступны только крохи, только отголоски объективной реальности, которые мы пытаемся систематизировать, чтобы составить внятную картину мира. Но это не значит, что я отрицала научные знания или верила во всё подряд – нет, я уже говорила, что я – дитё двадцать первого века, и верю только в то, что имеет неопровержимые доказательства.

Да, согласно агностицизму, возможно всё, а если что-то кажется нам невозможным – то мы просто не знаем того, что позволило бы этому невозможному стать возможным. Так что, существование фэнтезийного мира и моё странное в него перемещение – при наличии веских доказательств – я вполне могла принять как действительность. Но верить, к примеру, в существование экстрасенсов в мире, где за доказательство паранормальных способностей предлагают миллион долларов, который до сих пор никем не получен – абсурд, с моей точки зрения.

Хотя... возможно, настоящие экстрасенсы не хотят светиться, и могут и без этой премии неплохо заработать. Но пока их существование не нашло подтверждения, можно было лишь допускать саму эту возможность, не более.

Так я рассуждала, застирывая рукав Марусиной рубашки, которым она неосторожно залезла в плошку с вареньем. Да, после рассказа Настасьи и спасения скатерти, мы вернулись к стирке. А что делать-то, работа не ждёт. Другой мир или тот же самый, есть в нём магия или нет, я это или не я, а белье должно быть постирано. Хорошо хоть, что эта однообразная механическая работа позволяла спокойно обдумывать ситуацию.

Дожили, Владислава! Меня уже радует, что я занимаюсь грязным ручным трудом! И всё же, по какой причине это со мной произошло? И главное – что мне делать? Чего я хочу, я знаю точно – я хочу вернуть свою жизнь. А вот как это сделать... Если здесь есть магия, волшебство – то, наверняка, должны быть и способы вернуть меня обратно. Но стоя у печи в деревне и стирая в реке грязные пеленки, я об этих способах вряд ли узнаю. Хорошо бы мне найти какого-то сильного мага, который мог бы мне помочь. Раз это не моё тело, не мои дети и не мой муж, я ведь и не обязана с ними возиться, верно? Нужно раздобыть денег и отправиться на поиски мага.

С другой стороны, а вдруг это реально какой-то квест, который я должна пройти именно здесь, в деревне? Вдруг меня

специально закинули именно сюда, и единственная возможность вернуться – это сделать то, что от меня требуется, чем бы это ни было? Да, плохо ничего не понимать. Но сейчас уже появилась хоть какая-то ясность, и я могу хотя бы понять, в каком направлении копать. Значит, решено. Сперва узнаю всю доступную информацию здесь, а уже потом, исходя из неё, буду строить дальнейшие планы.

После обеда я попросила Гриньку снова очистить посуду. Он испуганно огляделся, но, увидев, что в доме мы одни, успокоился и согласно кивнул. Снова как-то странно пошевелил пальцами – и вся посуда стала такой, какой была до использования. Чудеса!

– Слушай, – пришла мне в голову одна блестящая идея, – а с подгузниками ты так можешь? Гришка непонимающе посмотрел на меня. Вздыхнув, я прошла к хнычущему Андрейке, который, судя по запаху, как раз успел сходить в сложенную в несколько раз пеленку, которая тут заменяла памперс. Распеленав ребенка, я поняла, что не ошиблась в своих подозрениях, и указала глазами Грише на использованный самодельный подгузник. Парень поморщился, но пошевелил пальцами – и ткань «подгузника» засияла чистотой.

В порыве благодарности, я расцеловала парнишку в обе щеки.

– Гришка, спасибо тебе! Да ты просто клад! – Не могла я сдержать эмоций: всё-таки стирка грязных пеленок была не самым приятным занятием. – Гри-и-ишенька, а можно тебя

попросить каждый день их чистить, а? А то я так устаю, а тебе же это ничего не стоит? Мы отцу ничего не расскажем!

Гришка как-то удивленно и растерянно поглядел на меня, но всё же кивнул. Получив согласие, я снова кинулась его обнимать, на что он неловко вывернулся из моих рук, и про-басил:

– Ма, ну ты чего, а? Давно бы уже сказала, я ж только рад помочь.

После чего быстренько сбежал. Видимо, я повела себя как-то не так, как он привык. Мать своих детей не обнимала, что ли? Или не просила ни о чем? Хотя, возможно, дело в том, что я иногда забываю, что сейчас я – взрослая женщина, мать этих детей, а не девочка-припевочка одного с ними возраста. Наверное, не надо было хлопать ресницами и строить просящую мордочку, как я всегда делала, когда хотела что-то выпросить у папы. Сейчас я сама в роли родителя, и это, наверное, выглядело очень странно. Но поведенческие привычки – не то, от чего в одночасье можно избавиться.

Но, как бы там ни было, а с Гришкиной помощью работы у меня чуть уменьшилось. Периодически я пробовала его разговорить на тему магии. Оказалось, она у него проснулась в одиннадцать лет, когда они с другом краской на заборе одного противного соседа написали неприличное слово. Тот сосед их поймал на воровстве яблок в своём саду, ну и отходил хворостиной. А мальчишки замыслили месть. Противный сосед дураком не был, и сразу, как увидел на заборе

художества, так и пришел к нам разбираться. А у Гришки все руки были в краске, и штаны с рубахой кое-где.

В общем, испугался он сильно – не столько соседа, сколько отцовского гнева. Но, когда отец позвал Гришку и тот вышел к ним с соседом, то на нём не оказалось ни единой капли краски. А без доказательств – и суда нет. Правда, забор им с другом тогда всё-таки пришлось перекрашивать... У друга-то никакой магии не было.

А Гришка с тех пор стал экспериментировать с обретенной силой и вскоре уже мог управлять ею. Тогда он пришёл к отцу, продемонстрировал ему свою способность, и попросил устроить в магическую школу. Но Гиртан рассердился и запретил сыну и думать об этом. Если Гришка пытался использовать свои способности на глазах у отца, то ему каждый раз доставалось. Так что теперь парень даже не заикается о магическом образовании и не пытается демонстрировать способности, чтобы не раздражать лишний раз отца.

Меня подобное отношение к собственному сыну возмущало. Как можно не давать ребёнку учиться и развивать свои способности? Да мои родители были готовы всё отдать, чтобы их дочь могла получить достойное образование! А тут отец своими руками гробит будущее сыну при молчаливом бездействии со стороны матери, видимо.

Как изменить ситуацию, я пока не знала, но обещала Гришке, что при случае поговорю с отцом и попробую его переубедить. Трудность заключалась в том, что я всё еще по-

боялась своего так называемого мужа. От Гришки я узнала, что поговорить о магии во всей деревне я могу только со стариком-знахарем, который жил на окраине. От него Гришка и узнал те движения пальцами, которые позволяли творить волшебство не спонтанно, а целенаправленно. Возможно, и мне стоит с ним побеседовать – надо только немного разгрузить мой рабочий график. Благо, помощников у меня хватает.

Глава 5

На днях мне приснился сон. Я видела себя ту, девятнадцатилетнюю Владиславу, в своей комнате в доме родителей. Я сидела на кровати, сжавшись в комок, обхватив колени руками. Никогда я еще не выглядела так жалко и так потерянно. Внезапно раздался стук в дверь, и, не дожидаясь ответа, в комнату заглянул отец.

– Влада, дочка, это доктор, он посмотрит тебя. Поговори с ним, пожалуйста.

– Лекарь? – Встрепенулась та Влада. Сама я наблюдала за собой как бы со стороны. Затем она обратилась к мужчине, в котором я узнала нашего семейного врача:

– Вы поможете мне? Мне надо вернуться к детям! Они еще маленькие, они не смогут без меня!

– Сделаю всё, что смогу, – серьёзно кивнул врач. Он задавал ей вопросы, она отвечала. И чем больше она рассказывала о своей жизни, тем больше я понимала, что она – это я. В смысле, не та я, какой всегда была, а та я, которая я сейчас. Черт, запуталась! Короче, она – та Владислава, с которой я поменялась местами. Я заняла её место, а она, получается, моё!

После беседы Аркадий Семенович – так звали нашего врача – отозвал папу в сторонку.

– Ну, что вы думаете, доктор?

– Похоже на ложную память. Говорите, она ударилась головой? Странно, обычно ложную память вызывают некоторые болезни, либо токсическое отравление. Она могла что-то употребить в клубе?

Папа возмущенно посмотрел на доктора:

– Моя дочь – не наркоманка!

– Хм, ну тогда я бы рекомендовал показать её психиатру.

«Вот дура, тупая идиотка, квашня! – Мысленно костерила я ту Владиславу/– Не могла притвориться мной?! Я-то с её ролью справляюсь, хотя это не в пример сложнее, пелёнки вот грязные стираю, а она тут истерики устраивает! Если меня упрячут по её милости в психушку, мне не будет смысла возвращаться в своё тело!»

Мужчины ушли, а я, всё ещё горя негодованием, продолжала наблюдать за другой собой, то есть, за ней. За Славой, в общем. Да, раз её все звали Слава, а меня – Влада, пусть так и будет. А то совсем запутаться можно. Интересно, то, что у нас одинаковые имена, сыграло какую-то роль в том, что мы поменялись местами? Или это совпадение? Просто, кроме имени, в нас реально не было ничего общего. Она какая-то вся забитая, нервная, я такой никогда не была. Когда она в моём теле, я сама себя даже не узнаю. Разве может быть у меня такое жалкое выражение лица? Да никогда!

А Слава внезапно поднялась, и прошла по комнате по направлению ко мне. В том, что она меня не видит, я могла поклясться, но... Она встала как раз напротив меня, окину-

ла меня взглядом с головы до ног, затем повернулась боком – и снова окинула взглядом. «Зеркало» – поняла я. Как раз напротив того места, где она стояла, у меня в комнате было расположено огромное, во весь рост, зеркало. Зеркала вообще моя слабость. Если получится вернуться, надо обязательно найти способ прихватить с собой то резное зеркальце с мутным стеклом. Стекло-то можно поменять, а вот рамка – произведение искусства.

Слава вертелась у зеркала, и ей явно нравилось то, что она там видит. Ну, еще бы! Это же моё любимое тельце, которое я регулярно выгуливала в фитнес-центр, спа, бассейн и салон красоты. Это тебе не твои рыхлые телеса и не грубые руки с криво обрезанными ногтями и заусенцами! Кошмар просто! Что ж ты себя так запустила, Слава? Ты же женщина! Ну, ничего, я это исправлю. Пока я в этом теле – оно будет выглядеть на максимум своих возможностей!

Слава, закончив любоваться, вдруг подняла голову и посмотрела мне прямо в глаза. Рот её удивленно приоткрылся, и она выдохнула:

– Ты!

На этом моменте, получив очередной тычок в бок от так называемого «мужа», я проснулась и отправилась кормить ребёнка. Начинался новый день, и сегодня, если всё пойдёт, как надо, я доберусь до загадочного старичка и потрясу его на предмет сведений о магии. О том, был ли этот сон – просто сном, или чем-то большим, я подумаю позже.

Поскольку Маруся от меня не отлипала, мне стоило больших трудов отправить её с Лялькой на прополку сорняков после завтрака. Дальше я попросила Настасью, чтобы её младший сын приглядел и за нашими коровками, а Егорку отправила к Даринке на помощь – обед готовить. Гришка вчера натаскал воды, а Степка наловил рыбы, так что Дарина сегодня готовила уху. Кроме того, я её попросила сразу на вечер пирожков напечь, так что ужин сегодня тоже можно не готовить. Андрейку я после завтрака еще раз покормила и оставила под присмотром всё той же Дарины, наказав, чтобы послала Егорку к тете Насте, если вдруг маленький будет плакать, и она сама не сможет его успокоить. На всякий случай сцедила немного молока в горшочек и поставила в подпол, предупредив об этом Даринку. Ну, всё: примерно два часа до обеда у меня есть.

Я стояла и разглядывала покосившуюся хибарку, где жил «колдун» и думала о том, что всё познаётся в сравнении. Мне недавно казался хибарой наш славный крепенький домик, состоящий из одной, но просторной комнаты, и целой веранды в придачу? Как я была неправa. Это я просто настоящих хибар не видела – до этого момента. Наш домик сиял свеженькой зеленой краской, был ровненьким и аккуратным – даже ступени не скрипели. А тут на крыльцо подняться страшно – а вдруг завалится? Или крыша на голову рухнет? Если тот старикан действительно колдун, то как-то фигово у

него колдовать выходит, раз даже дом починить не может.

Пока стояла и смотрела, дверь со скрипом отворилась и во двор медленно выплыла молоденькая девушка, аккуратно держа в руках таз с плещущейся при каждом шаге мутной водой. Всё так же медленно дошла до ближайшей яблоньки и вылила под неё воду, а потом перевела взгляд на меня.

– Владислава, чего стоишь? Мы вроде тебя двор охранять не нанимали.

– Я... эээ...

Что-то я растерялась от напора девчонки. Она меня, понятное дело, знает – как и все в деревне. Но я-то не знаю никого, кроме моей «семьи», и эта нахалка мне тоже незнакома. А выбило меня из колеи то, что я вообще никакой девчонки тут не рассчитывала встретить – тут же, по словам Гришки, старик-отшельник живёт. Да и манера общения мне её не понравилась. Ладно, если бы она обращалась ко мне девятнадцатилетней, – так нет: я же сейчас по виду ей в матери гожусь. Да она Даринке ровесница! Так чего, спрашивается, хамит? Или тут так принято общаться? Как реагировать-то, чтобы не проколоться? Ладно, дальше стоять и глазами хлопать – глупо. Простим грехи молодости на первый раз, хе-хе.

– Афонарий Архипыч... дома? – Чуть не спросила «здесь живёт?», но вовремя исправилась. А то бы спалилась по полной. По крайней мере, местные бабы точно бы пальцем у виска крутили – мол, совсем поехала кукушечкой соседка,

всё забывать стала. А мне тут еще неизвестно, сколько куковать... Мда. Окрестным кукушкам, наверное, сейчас, кукуется, тьфу, икается – так часто я их упоминаю.

– Дома, конечно, – фыркнула девчонка, – куда он денется?

– Деда, к тебе Славка Гиркина пришла! – Заорала вдру девчонка, открывая дверь в избу. Гиркина? Это моя фамилия здесь, что ли?

– А сам Гирка, что, не пришёл? – Раздался из глубины дома старческий голос. Не фамилия...

– Неа! – Продолжала орать девчонка.

– Ну, пусть заходит!

В дом я заходила с опаской: ощущение, что он вот-вот развалится, никуда не делось. В прихожей, которая здесь называется «верандой», разулась, и прошла следом за девчонкой, попутно осматриваясь. Надо же – а тут у них кухня отдельно выделена, а не как у нас. Да и комната чисто символически разделена на две части перегородкой. Прямо двухкомнатная квартира, ага. При этом по площади-то их домик такой же, как наш, даже, может, немного поменьше. Задумалась, можно ли и у нас так сделать. Но додумать эту мысль не успела – пришли.

В одной из «комнат», куда меня провела девчонка, на кровати полусидел-полулежал дедок, по виду лет эдак под сто – весь сухой какой-то и седой, морщинистый. Аж страшно смотреть.

– Ну, здравствуй, деточка, чего пришла? – Проскрипел

дед.

– Разговор у меня к тебе, дедушка, – в тон ему ответила я, – конфиденциальный.

Сказала – и мысленно себе по лбу врезала. Это же деревня, они и слов таких тут не знают! Но дед меня удивил. Усмехнулся и говорит:

– Ну, раз конфиденциальный, то поди, внучка, погуляй, – и на девчонку глазами стрельнул. Та кивнула и вышла.

– Ну, говори, что за секреты?

– Понимаете, я бы хотела узнать у вас по поводу магии...

– А, так ты по Гринькину душу пришла? Ну, что тебя интересует?

Вообще, я пришла по собственную душу, но стоит ли говорить об этом деду? Может, притвориться, что меня действительно волнует этот вопрос из-за сына, да и узнать под шумок всю нужную мне информацию?

– Это же ты научил Гришку магии, значит, ты и сам колдун?

Дед каркающее рассмеялся:

– Колдун! Скажешь тоже! Мамка у меня магичкой была, вот и отдала меня в школу магическую вместо простой. Думала, что я тоже буду магом, а у меня дара не оказалось. Так что травник я, а не колдун, не верь деревенским сплетницам, – подмигнул мне дед. – Так что, в школе я научился кое-чему, а применить не мог, зато научить одаренного нужным жестам сумел.

– Афонарий Архипыч...

– Да уж зови дедом, так сподручнее.

– Дед Афонарий, а можно понять, есть в человеке магия или нет?

– Можно, наверное – но только если сам силой владеешь.

Я не вижу. Гринька твой сам мне показал свои способности, а так бы нипочем не понял.

– И что, все дети одаренные должны в магических школах учиться?

– Солнце с тобой, деточка! Кто ж вольного человека заставить может? Не должны, а возможность такая у них есть. Можно и не учиться – тут дело каждого. А чего спрашиваешь? Неужто передумали и готовы Гриньку отпустить учиться?

– Да, я бы хотела, чтобы он учился. Только вот не староват он для школы?

– А-ха-ха, вот насмешила! Староват! Это про двадцатилетнего-то! Уф, ну, юмористка!

Я стояла и смотрела на деда, опять не понимая, как реагировать. И что его насмешило так? Ну да, использовала в речи преувеличение. Что такого? Понятно же, что на самом деле никто двадцатилетнего парня старым не считает, просто речевой оборот такой. Странные они все здесь. Или я чего-то не понимаю. Отсмеявшись, дедок продолжил:

– Нет, для школы твой сын действительно... староват, хихи, – тут дед снова похихикал. – Но он может попробовать

поступить в Международную Академию Магии. Правда, я слышал, туда только очень талантливых берут. Не знаю, сдюжит ли твой Гринька.

– Международная Академия? Это где?

– А то не знаешь? В Межземелье, конечно. На равном удалении от эльфов, троллей, людей и гномов – чтоб никому не обидно было, ни одному народу. Далековато отсюда, но из Королевства было бы еще дальше. Если надумаете ехать, то за месяц выезжать надо – как раз с началом осени. Тогда аккуратно к экзаменам приедете.

– А книг у тебя никаких по магии не сохранилось, дедушка? Надо же Гриньке как-то к экзаменам подготовиться.

– Так как они у меня сохранятся, коли не было их у меня никогда? В школе нам что рассказали – то и запомнили. Книжки – роскошь и редкость большая.

То-то я обратила внимание, что в доме ни одной книги не было – ни у нас, ни у Настасьи. Так это что, дети у меня и читать не умеют? Дела-а-а.

– А карта, карта местности у тебя есть? Если поедем – надо же ориентироваться как-то.

Угу, и мне самой бы пригодилась – чтобы хоть какое-то представление иметь о том, где нахожусь и что тут еще вокруг есть.

– Нету, дочка. Ты поезжай в Жданов на ярмарку, там точно будет. Может, и книжки какие сторгуешь, только шибко дорогой это товар. А у вас столько ртов, деньги не лишние

небось.

– На образовании экономить нельзя, – строго ответила я, заслужив удивленную, но одобрительную улыбку, – спасибо тебе, дед. Пойду я.

– А про себя-то ничего спросить не хочешь? – Хитро улыбнулся дед. Я похолодела. Это он о чем? Перевела на него вопросительный взгляд, стараясь оставаться невозмутимой. – Ну как же, что всех женщин интересует: как поласковее супруга сделать, как страсть возродить и всё такое...

Меня аж передернуло. Нет, спасибо, дед – обойдусь без супружеской ласки. Меня наш добрососедский брак устраивает. Однако поговорить с мужем по поводу Гришки придется.

Вечером я традиционно рассказывала детям сказку, на этот раз адаптировав для рассказа мультсериал про аватара Аанга. Сказка на ночь давно стала ежевечерним ритуалом, хотя моя предшественница рассказывала детям сказки только по выходным.

Я уже пересказала несколько мультфильмов и фильмов, которые обожала в детстве и в подростковом возрасте, и теперь раздумывала, что еще из просмотренного-прочитанного можно рассказать детям.

История о мальчишке, владеющем магией воздуха, детям понравилась. Особенно внимательно слушали старшие, как ни странно. Благодаря этой истории я выяснила, что магия тут не делится на четыре стихии – об этом мне сообщили

сразу же удивленные слушатели, когда я только озвучила данный тезис. Пришлось пояснить, что сказки – на то и сказки, чтобы в них происходили небывалые вещи. И вообще, в этой сказке речь идёт о другом мире, а там всё может быть устроено совершенно иначе.

Понятное дело, что весь сериал я за один вечер пересказать не могла, тем более что в будние дни много работы, поэтому все сильно уставали, и засыпали почти сразу же. Тем сильнее подогревался интерес детей, а я в это время чувствовала себе Шехерезадой, и, даже питала надежду, что завтра после разговора лесоруб меня не убьёт, так как захочет узнать, удалось ли Аангу победить Лорда Огня. Да, суровый мужчина тоже слушал детские сказки, хотя и не подавал вида. И – да, после завтрака я решила поговорить с ним о будущем Гриши.

Всю ночь крутилась, пытаясь подобрать правильные аргументы: ведь «мужа» надо не только убедить отпустить сына учиться в Академию, но и отпустить меня с ним в качестве провожающей. Я много думала и поняла, что для меня это – единственная возможность что-то узнать о том, как вернуться в свой мир и в своё тело. Иначе застряну тут на неопределенное время, за которое моё прежнее тело успеет постареть, пока я тут буду батрачить на чужую семью.

Кстати, потрясла я тут Настасью на тему возраста и очень удивилась, узнав, что ей семьдесят три года! Надо сказать, что выглядит она моложе меня, хотя мне (то есть Славе,

конечно) всего сорок два. А «мужу» моему, оказывается, шестьдесят шесть лет! То есть он еще старше, чем я думала. На что Настасья, помявшись, пояснила, что причина моего плохого внешнего вида – большое количество детей, коих Слава рожала одного за другим, не давая организму как следует восстановиться. Ну и за собой, она, понятное дело, не следила. А у той же Насти детей пока всего двое, оба уже довольно большие – шестнадцать и десять лет мальчишкам. И вообще, ей непонятно, куда мы так спешим, ведь многие до тридцати-сорока лет даже не задумываются о детях, сама Настасья родила первого в пятьдесят шесть лет.

О, кстати, тому старику, Афонарию, которому я давала на-вскидку лет девяносто, на самом деле – сто семьдесят пять. Он – долгожитель, поскольку средняя продолжительность жизни людей здесь составляет сто пятьдесят лет. Соответственно, молодость здесь – понятие растяжимое, а стареть начинают только где-то после ста двадцати лет.

Это немного мирило меня с ситуацией. Нужно просто привести это тело в порядок и тогда, если вдруг не смогу вернуться домой – при этой мысли я сглотнула болезненный комок в горле – то и здесь вполне смогу неплохо прожить. Вот только что делать с мужем и детьми, доставшимися от предшественницы, и собственным проснувшимся материнским инстинктом? Умом-то я понимала, что чувство родства, возникающее в груди при взгляде на Андрейку и Маруську, да и остальных детей тоже – это память крови данного тела, ведь

они – плоть от плоти Славы, место которой заняла я. То есть эти чувства не мои, они заёмные.

Понимать – понимала, а всё равно сердце сладко замирало, когда маленькая ладошка Андрюши хватала меня за палец и тянула в пока еще беззубый ротик (пара передних уже наметилась, а остальные были в проекте). Да и щемящая нежность, когда Маруська, забравшись ко мне на ручки, обнимала меня за шею и шептала, что я – самая лучшая и любимая мамочка, тоже никуда не исчезала.

Я поняла, что просто бросить их и уехать в Магическую Академию искать мага, я не смогу – только передать из рук в руки Славе. Так что придётся уговорить лесоруба. Решила, что в самом крайнем случае, расскажу им с Настасьей правду о себе. Пусть подсуеятся, помогут вернуть детям мать. Пока что я не решалась раскрыться – боялась реакции. Особенно меня пугал этот здоровенный лесоруб: такой на одну руку положит, другой прихлопнет. Как вообще с ним разговаривать, если он на всё отвечает короткими рублеными фразами, а в остальное время – угрюмо молчит? Для меня он до сих пор оставался неизвестной величиной. Я просто не знала, чего от него можно ждать. Хотя спали мы в одной кровати, я всегда старалась ложиться на самом краю, чтобы даже случайно, во сне, не коснуться чужого мужчины. И без острой необходимости никогда к нему не обращалась. Но утром мне придётся нарушить заведенное мною правило.

Глава 6

Наутро после завтрака, Гиртан собрался было уже идти на поле, где они с Гришей окучивали картофельные гряды, но я попридержала его:

– Гиртан, мне нужно с тобой поговорить.

Гиртан бросил строгий взгляд на детей, отчего те понятливо выскочили за дверь (за исключением Андрюши, который что-то гулил, сидя в своей колыбельке и играя с деревянной лошадкой, которую ему выстрогал отец). Затем мужчина снова сел за стол, из-за которого недавно встал, и устремил на меня взгляд своих темно-карих глаз. В его взгляде было ожидание и лёгкое удивление, словно с ним заговорил не живой человек, а манекен.

Под этим взглядом я занервничала: всё-таки он взрослый мужчина, а мне всего девятнадцать лет, и я понятия не имею, как ведут себя жены с мужьями, когда у них больше двадцати лет брака за плечами и несколько детей, некоторые из которых уже сами взрослые. Но надо было как-то начинать разговор, раз уж решилась:

– Это касается Гриши. Я знаю, что он тебе очень сильно помогает, но он – уже взрослый. Ему надо думать о собственной жизни, о том, чем он будет в ней заниматься... – тут я сделала паузу, ожидая какой-либо реакции, но увидела только слегка приподнятую бровь «мужа». Он явно ждал, что я

скажу дальше. – Ты ведь знаешь о его способностях к магии?

Гиртан на этих словах заметно помрачнел.

– Я считаю, что ему надо учиться. Поступить в магическую академию в этом году, – выпалила я и зажмурилась. Посидела так немного, но, кажется, никто меня убивать не собирался. «Муж» по-прежнему молчал, и я рискнула поднять на него глаза. На лице у лесоруба была написана трудно читаемая смесь гнева, досады, удивления и раздражения. Поймав мой взгляд, он поморщился и произнёс:

– Слава...

– Влада, – поправила его я.

– Хорошо, пусть Влада. Настя сказала мне, что у тебя проблемы с памятью, так что напоминаю: это ты была против того, чтобы Григорий учился магии.

– Но... что? – Я уже приготовилась возражать, когда до меня дошло, что именно сказал Гиртан. Это было настолько неожиданно, что я растерялась, но почти сразу же вспомнила, почему вообще решила, что это именно он был против занятий магией:

– Но Гриша демонстрировал при мне магию, а при тебе – боялся.

– Конечно. Разве я мог пойти против жены? Я поддержал тебя в этом решении, как и во всех остальных. А мои решения в этом доме не оспариваются.

Да, не этого я ожидала, готовясь к сегодняшнему разговору. Может, надо было раньше с «мужем» поговорить? Из-

за того злополучного ведра воды, с которого началось наше знакомство, я держалась от Гиртана подальше, считая его несколько... м-м-м, неадекватным. Но, похоже, что у страха глаза велики. В конце концов, не ударил же он меня тогда, не оскорбил. Просто в чувство хотел привести. На деле же вроде адекватный мужик оказался, это Славка, оказывается, чудила. А может и не чудила.

– А почему я была против, можешь напомнить? – Спросила я, немного подавшись вперед и напряженно ожидая ответа. Если есть веские причины, то от этого плана придётся отказаться.

– Могу. Не хотела мальчика в город одного отпускать. К тому же, он старший: мы думали, что сможем ему оставить хозяйство, когда остальные дети подрастут.

– А сами бы мы куда делись?

Гиртан вздохнул, немного откинулся назад, провёл рукой по лицу, словно стирая усталость – не физическую, моральную.

– Ты совсем ничего не помнишь?

Я отрицательно покачала головой. Надеюсь, ты мне расскажешь! И он стал рассказывать, отстраненно, словно про кого-то незнакомого:

– Я странствовал к тому моменту уже больше двадцати лет, когда остановился в вашем доме. Мы понравились друг другу сразу, стали встречаться. Ты была совсем молоденькой. И так получилось, что ты забеременела. Мы пожени-

лись, и я привёз тебя сюда. Ты очень переживала, что из-за своей беременности ты лишишься на долгие годы свободы, хотя могла бы наслаждаться ей еще лет двадцать-тридцать спокойно. Ты даже думала о том, чтобы избавиться от ребенка, но мы с твоими родителями тебя отговорили. Мы с тобой договорились, что сперва родим и воспитаем детей, а потом, оставив хозяйство на старшего сына, начнём жить для себя. К этому времени мы оба будем еще не старые, у нас будет достаточно времени для... наслаждения жизнью. На последних словах Гиртан слегка скривился, и я поняла, что его самого этот план, по каким-то причинам не радует. Но что именно ему не нравится, я не могла пока понять.

– А откуда я родом?

– Ты даже этого не помнишь? – Помрачнел Гиртан. Я пожала плечами. Может, стоит открыться ему? Нет, подожду еще. Пока что он себя нормально ведёт, но кто знает, что будет дальше. Надо понаблюдать подольше.

– Ты из деревни «Сизые холмы», что в предгорьях гномов.

– Я гном?! – Изумилась я.

– Что? Почему? – Изумился в свою очередь Гиртан. – Я сказал, что деревня в предгорье расположена. Горы принадлежат гномам, а деревня вполне человеческая. Конечно, там встречаются смески, но редко. Гномы своё потомство ценят, поэтому полукровок забирают к себе.

– А ты видел гномов? Какие они? – Жадно спросила я.

– Ты тоже видела, только, похоже, не помнишь. Они часто

спускались в деревню, торговлю с людьми вели.

– А эльфов и троллей видел? Ты же странствовал в юности, наверное, много где побывал? Расскажешь?

У Гиртана брови на лоб полезли, он даже выставил вперед руки, останавливая меня.

– Мне, конечно, приятно, что ты вдруг заинтересовалась тем, как прошла моя юность, но мне казалось, ты о чем-то хотела поговорить? Вряд ли именно об этом. Потому что если это так – то давай отложим до вечера, нам работать надо.

Я едва не хлопнула себя по лбу. Неожиданно заполучив еще один потенциальный источник информации, я захотела вытащить из него максимум, и в итоге забыла, зачем вообще начала этот разговор.

– Да, точно. Я хотела поговорить по поводу Гриши. Он хочет учиться магии, и я его в этом поддерживаю. Степан уже достаточно большой мальчик, может тебе помогать вместо Гриши, и, если захочет, то и хозяйство на себя потом возьмёт. А Грише нужно учиться, ведь магический талант – редкий дар.

Честно говоря, последнее было моим предположением, которое я выдвинула, исходя из всего, что мне было известно о магии в этом мире. И, судя по тому, что Гиртан не возразил, предположение оказалось верным.

– Как ты на это смотришь? – Спросила я у него.

– Я не против. Тем более, парень взрослый, и может сам распоряжаться своей жизнью. Я в его возрасте отправился

путешествовать, хотя на мне тогда тоже было хозяйство – спасибо Насте с мужем, присмотрели. Так что я могу понять, что ему в этом возрасте хочется иных впечатлений, чем сидеть в деревне и окучивать грядки.

В этот момент муж взглянул на меня, и в его взгляде мне почудилась доля вины. Он винит себя за то, что Слава была вынуждена провести юность в деревне с ним, няньча детей? Ну, с одной стороны, я Славку хорошо понимала. Наверное, залети я сама в девятнадцать лет, обозлилась бы еще так на парня. У меня же планы, Кембридж, карьера. Но всё-таки в процессе создания детей участвуют оба, и несправедливо возлагать вину на одного только мужика. Хотя, я же не знаю, что у них там произошло. И лезть туда не собираюсь. Вернётся Славка – пусть сами разбираются. Надеюсь, всё же, моя миссия не в том, чтобы наладить отношения этих двоих. Где я, и где семейная психология?

– Есть еще один момент, – осторожно проговорила я, не желая случайно нарушить едва установившийся контакт с «мужем», – Гриша может поступить сейчас только в Международную Академию Магии, а это довольно далеко.

– И что? – Не понял Гиртан. Ну да, он же в этом возрасте весь свет объехал.

– И я хочу его проводить.

– Что? Зачем?

– Ну, я же мать и волнуюсь за него, – выдала я заранее приготовленную фразу.

– Влада, он уже взрослый, – покачал головой Гиртан, явно не принимая этот аргумент.

– Дети остаются детьми для своих родителей, даже когда вырастают, – эту фразу я часто слышала от своей мамы.

– А остальные дети в это время будут вдали, без матери?

– Они будут в безопасности, а за Гришу я буду волноваться. Вот доберётся, поступит – тогда я со спокойной душой уеду домой.

Лесоруб задумался, поглаживая бороду. Наконец, сказал:

– Тогда нам нужно успеть снять урожай до начала осени.

Настасья с мужем присмотрят за хозяйством. А мы отправимся сразу после сбора урожая. До второго месяца осени как раз успеем добраться.

– Мы?!

– Конечно, мы, – спокойно кивнул Гиртан, – Григорий уже мужчина, но его одного мало для вашей защиты. К тому же он слишком молод и неопытен. Я еду с вами.

– А дети? – Обалдело спросила я.

– А с детьми Настя посидит – ей не впервой. Да и не маленькие они уже – будут помогать по хозяйству. А Андрейку ты же всё равно планировала с собой взять?

Я кивнула. Хоть и было страшно брать мелкого в дорогу, но как его оставить одного в таком возрасте? А ждать, пока подрастёт, я просто не могла.

– Ну вот, поедем вчетвером, – заключил Гиртан. Я смотрела на него и не верила, что разговор, который предвещал

быть довольно тягостным, прошёл так легко. Повезло Славке: это же не муж, а золото! А я-то думала – тиран и деспот. Не иначе, как суровая внешность в заблуждение ввела. Ну и не совсем удачное начало знакомства.

Вечером, уложив детей спать, мы с Гиртаном вышли в сад и устроились в беседке, чтобы продолжить начатый утром разговор. Было уже довольно прохладно, так что я завернулась в теплую шерстяную шаль. Вообще, сейчас здесь была поздняя весна, так что днём бывало даже жарко, но ночи всё-таки ещё прохладные. Названий у месяцев тут, вроде бы, не было. Просто «первый месяц осени» или «второй месяц зимы», а сейчас шел последний месяц весны. То есть, у нас есть три с небольшим месяца до поездки, которая, по нашим меркам, состоится в начале сентября. А занятия в академии, тут, получается, начинаются с октября, то есть, со второго месяца осени. Я спросила у Гиртана, почему именно так, на что он пожал плечами, мол, это же само собой разумеется, но всё-таки ответил:

– Так после снятия урожая.

В общем, основной урожай снимали в августе-сентябре, а в октябре – оставшуюся, малую часть, так что семьи легко могли отпустить детей на учебу. А заканчивалась учеба в конце апреля, когда надо было делать новые посадки. Всё просто.

Мне стало интересно, а как же гномы? Они-то вряд ли

что-то выращивают в горах. Однако оказалось, что добыча камней в каменоломнях, которой они занимались, тоже осуществлялась в теплое время года, так что и у них проблем с отправкой детей на обучение не было.

Я задавала вопросы Гиртану о его и о своей жизни, надеясь побольше узнать об этом мире. Он отвечал поначалу скупно, неохотно, но иногда распался, особенно рассказывая о своих юношеских приключениях. В такие моменты я понимала, что и на него самого семья и ответственность свалились слишком рано. Всё-таки они тут живут дольше и взрослеют медленнее.

– А мои родители остались в «Сизых холмах»? Они живы? Мы поддерживаем общение? – Меня интересовал этот вопрос.

– Да, они остались там, как и твой младший брат, Несент. Сейчас ему уже лет тридцать, наверное. Но связь вы не поддерживаете – а как? Мы не выездные с момента рождения Гришки, а родителям твоим тоже не до поездок – у них работников мало и так, не на кого хозяйство оставить. Ваша деревня далеко отсюда находится, недели три пути. Если хочешь, можем заехать по пути в Академию, это добавит нам всего пару дней дороги.

– Да, наверное, – растерялась я. А вдруг родители Славы поймут, что я – не я? Хотя ни муж, ни дети не догадались. Еще немного обидно за Славу, что с её родителями повидаюсь я, а не она, хотя она наверняка по ним скучает. Первый

раз за двадцать лет в гости собрались – и то она оказалась в пролёте. Но ведь должны же они были как-то общаться между собой, переписываться хотя бы?

– А как же письма? – Чуть не добавила «телефон», но вовремя прикусила язык.

– Письма? – Удивился Гиртан, – Мы же не маги, у нас магической почты нет.

М-да, отсталое какое-то общество. Как же они тут вообще без связи живут?

– А простые люди, что, совсем не посылают никаких сообщений друг другу? Мало ли, вдруг что-то важное? Не отправляют там, ну не знаю, гонцов?

– Гонцов?

– Людей, которые доставят письмо по адресу.

– Нет, – покачал головой Гиртан, – в случае чего-то важного, простые люди сами едут. А если человек побогаче, то может мага нанять для отправки, они почти в любом крупном городе есть. Такое письмо доходит мгновенно, а этот, как ты сказала – гонец? – всё равно едет с обычной скоростью, так что, с тем же успехом можно самому съездить. Кроме того, большинство деревенских жителей ни читать, ни писать не умеют.

– А мы? – Спросила я.

– А мы умеем, – тут он впервые улыбнулся на моей памяти. Из-за усов и бороды сама улыбка была почти незаметна, но легко определялась по глазам: карий взгляд потеплел, а в

уголками глаз собрались морщинки.

– Я не всё время просто бродил по свету, – пояснил Гиртан, – я много учился, даже академию закончил. А тебя я сам научил, еще до рождения первенца. Потом просто некогда стало.

– А какую академию ты закончил, на кого учился?

Тут Гиртан почему-то опять помрачнел, и ушёл в себя – не ответил, то есть. Ну, я и не стала настаивать, мало ли – может, плохие воспоминания? Тем более, что про всё остальное он вполне охотно рассказывал – и весьма интересно, кстати. Больше всего, насколько я поняла, из других рас ему понравились тролли. Гиртан с таким восторгом отзывался об их умении слушать землю, ухаживать за полями и огородами, что я и сама невольно проникалась уважением к этим трудягам. По словам Гиртана, люди не могли сравниться с троллями в земледелии. У тех – настоящий талант или дар, если угодно. Примерно как у эльфов – с лесами, а у гномов – с камнем. Я вспомнила мультсериал про аватара, который рассказывала детям уже несколько вечеров подряд, и спросила, нет ли тех, кто так же хорошо бы дружил с водой?

– С водой? – Недоуменно спросил Гиртан. Кажется, я опять что-то не то ляпнула, – Да какая же в этом польза? Нет, я не знаю никаких рас, которые жили бы в воде, и могли её понимать.

– Может, потому и не знаешь, что они в воде живут, а с другими народами не общаются?

На это Гиртан только пожал плечами. Говорить о каком-то мифическом водном народе он не хотел.

– Ну, хорошо, а что понимают люди? У нас есть какая-то особая способность, дар, талант?

Тут Гиртан задумался. Долго думал, красиво, сосредоточенно. Наконец, сказал:

– Я не знаю. Считается, что у людей такого нет. Но ты вот спросила, и я подумал, что и у нас должна быть какая-то особенность. Возможно, со стороны она более заметна, а мы сами её просто не замечаем. В общем, тут поразмыслить надо.

Под конец нашей беседы, Гиртан предупредил, что денег на наше путешествие может не хватить:

– Я сегодня мысленно подсчитал все наши запасы, и понял, что для дороги туда и обратно нам хватит, но надо же что-то и Григорию оставить, пока он не начал зарабатывать самостоятельно. Я попробую что-нибудь придумать, всё же время ещё есть.

Я тоже стала лихорадочно думать, как добыть денег. Почему им, что ли, на постоянной основе организовать? Выступить таким прогрессором. Но нет – это слишком долго, сложно и требует затрат. Вот если бы можно было что-то быстро продать... Так, стоп! А ярмарка? Скоро же ярмарка!

– А что мы можем продать на ярмарке? – Спросила я у Гиртана. Он скосил на меня глаза.

– Я думал об этом, но продавать мы ничего не можем – без ущерба для хозяйства. Коровы самим нужны, хотя за них

много денег можно было бы выручить. Урожай если только перед отъездом продать, но что мы тогда сами зимой есть будем?

– Ладно, – подвела итог я, – подумаем еще, на чем можно заработать.

Уж я-то точно подумаю. Возможно, даже, внедрю какое-нибудь изобретение нашего мира в этом захолустье, – размечталась я. А что, вдруг в этом и состоит моя миссия?

Глава 7

Слава.

Уже две недели я в этом странном мире, но всё никак не могу освоиться. Слишком много информации, слишком много всего. Как они здесь живут? Это же просто невозможно – одновременно столько всего держать в голове! Говорят все вроде на знакомом языке, но большинство понятий мне просто неизвестны, и даже вычитанные в словаре определения не помогают. О, на то, чтобы разобраться с письменностью, у меня ушло немало времени, но теперь я довольно бегло могла читать на местном наречии – правда, мне это мало чем помогло.

Сегодня меня ждёт встреча с психотерапевтом – так называют здесь мага-лекаря, который лечит душевнобольных. Те добрые люди, которые называют себя моими родителями и заботятся обо мне, уверяют, что психотерапевт поможет мне вспомнить свою настоящую жизнь, в которой я – не мать семерых детей, а их родная дочь. Мои воспоминания о прошлой жизни называют ложными. Но я-то знаю, что это не так. Я сильно заболела и, похоже, умерла? И теперь это моё посмертие?

Что же, надо сказать, что тело мне досталось молодое и красивое, даже вспомнила собственную юность. А нынеш-

ние мои родители намного больше любят меня, чем мои собственные, оставленные в другом мире. К такому легко привыкнуть. И если бы не мои детки, особенно младший, Андрюшенька – я бы ни о чем не печалилась. Что ни говори, приятно почувствовать себя вновь юной и привлекательной, вызывать восхищенные мужские взгляды – я уже и забыла, каково это. Когда не надо гнуть спину с утра до вечера, когда тебя любят, холят и лелеют – это не то что воскрешает давно забытые ощущения, а словно восполняет всё то, чего я была лишена вовсе.

Я ведь и не помню такого в своей жизни: мы в деревнях с детства приучены работать, а родители так не опекают и не балуют нас, как богатые своих детей. И всё было бы замечательно, но я не могу оставить своих детей, а потому должна найти способ вернуться обратно. Мои дети, мои кровиночки – как они там без меня? Хоть бы Настасья присмотрела за ними. Гиртан – неплохой добытчик, но нянкатся с детьми он не будет. Когда-то он был таким красавчиком, что сразу вскружил мне голову, но, если бы не беременность, вряд ли бы я за него вышла. А потом как-то всё пошло по накатанной: дети, работа по хозяйству, дом. Чувства давно остыли, еще после первого ребенка, но раз уж судьба объединила нас в семью, то мы и жили, как положено. Решили, что раз так получилось, то сперва родим и вырастим детей, а потом уже поживём для себя. Только вот всё надо делать вовремя.

Со временем я стала приходить в ужас от мысли, что де-

ти вырастут, и мы останемся с Гиром вдвоём. Что мы с ним будем делать, о чем говорить? Наверное, поэтому я продолжала рожать, надеясь оттянуть тем самым момент, когда мы останемся наедине и поймём, что нас уже ничто не связывает. Да, не о такой любви я мечтала в юности, не о такой жизни.

Недавно я видела сон, как будто моё место в том мире заняла другая женщина. Вроде бы та самая девушка, в чьём теле я сейчас нахожусь. Она кормила грудью моего Андрейку, баюкала его, гладила по головке Марусю, рассказывала детям странную сказку. Возможно, мне так сильно не хотелось оставлять моих детей, вот мне и приснился сон, что у них всё хорошо? Или это не сон всё-таки? Знать бы наверняка – тогда я бы не так волновалась за своих деток. Вроде, девушка к ним хорошо относится. Но, скорее всего, я принимаю желаемое за действительное. Хотя был еще момент, когда я вдруг увидела в зеркале себя прежнюю, правда, с незнакомым мне выражением глаз. И я подумала тогда на миг, что это она, та девушка, в моём теле! Я окликнула её, но в следующую секунду всё пропало. Может, я правда схожу с ума? Надеюсь, лекарь мне всё объяснит.

Влада.

Проснувшись посреди ночи, чтобы покормить малыша, я обнаружила себя лежащей не на краю, как обычно, а почти

посередине кровати, а спящий Гиртан устроил свою руку у меня на животе. Мда... То ли я настолько расслабилась после вчерашнего разговора, то ли «муж» решил, что лёд тронулся, то ли всё вместе. Надо мне быть поосмотрительнее, чтобы не познать все радости семейной жизни в полном объёме, так сказать.

В идеале, конечно, мне бы найти себе другое спальное место, но, во-первых, это трудноосуществимо – вторая кровать тут никак не поместится, а во-вторых, не хочется портить с таким трудом налаженные отношения. Ведь Гиртан стопроцентно не поймёт, особенно учитывая наш продуктивный разговор вчера. Обидится. А мне нужны с ним хорошие отношения, если я всё же хочу попасть к магам. В крайнем случае, можно будет потеснить детей на печке – сделать вид, что рассказывала им сказку и не заметила, как уснула. Но места там крайне мало и вряд ли такой сон принесёт достаточный отдых.

Ладно, будем решать проблемы по мере возникновения. Всё-таки у меня, типа, амнезия, так что могу продолжать давить на это. С такими размышлениями, я аккуратно выползла из-под руки супруга, поднялась и прошла к хнычущему Андрейке. Я так привыкла просыпаться под эти звуки, что вставала на автомате. Мой маленький будильник, когда хотел кушать, не кричал, не плакал, а хныкал. Жалобно так, словно котёночек. А вот если он плачет, то это означает, что пора менять пелёнки.

С ума сойти, могли ли я подумать, что так неожиданно стану молодой мамой? Конечно, Андрейка – не мой сын, и нам придётся расстаться, когда я отправлюсь домой, но теперь я точно знаю, что хочу испытать это в своей настоящей жизни, хочу прижать к груди своего ребенка, зная, что его никто не заберет, что он действительно мой. Впрочем, все эти размышления не мешали мне испытывать невероятную нежность к этому маленькому человечку, и я гнала от себя мысли о том, как тяжело мне будет расстаться с ним.

А наутро я решила, что пришла пора начать новую жизнь. Пора прекращать бессмысленный и беспощадный выматывающий ручной труд, и заняться, наконец, своей внешностью. Женщина я или нет?

Первом делом после завтрака я сгоняла к Насте и договорилась, что наши мальчишки – её Авест и мой Егорка – будут по очереди пасти её и наших коров. А что? Зачем тратить лишний человеческий ресурс, когда ту же работу может выполнять один человек? Где две коровы, там и четыре. Странно, что местные до этого сами не додумались. Хотя, что-то мне подсказывает, что таким образом детей просто хотели приучить к труду, дать им какую-то посильную, но ответственную работу. Однако у меня для Егорки будет другая задача. Раньше прополка была всецело Лялькиной обязанностью, но я решила, что пора девочку приобщать к ведению домашнего хозяйства, а с сорняками справится и Егор. Поэтому теперь один день он полел грядки, один – пас коров.

В качестве поощрения для него, я разрешила при выполнении плана по прополке, в оставшееся время гонять по улице с соседскими мальчишками и заниматься всем тем, чем занимаются мальчишки в его возрасте.

Лялька же будет помогать Даринке с организацией обедов и ужинов. Завтраки я, так и быть, оставлю за собой – всё равно вставать Андрейку кормить, а девчонки пусть подольше поспят. Думаю, вдвоём они прекрасно справятся, тем более, что Лялька уже много умеет, а Дарина всего на пару лет младше меня, но знает и умеет намного больше.

Всю уборку, мытье посуды и стирку белья я поручила Гришке. Понятное дело, что выполнял он эту работу не вручную, а с помощью своей магии. А что, ему же надо тренироваться перед поступлением? Вот пусть и тренируется с пользой. Тем более, что я даже не сильно его отрывала от основной работы в поле: на все очистные мероприятия у него уходило не более получаса. Всё-таки магия – вещь!

Пыталась приобщить Гриньку и к уничтожению сорняков – а что, грязь и пыль он как-то ликвидирует же, может, и сорняки так получится удалять? Но нет, сорняки оставались на месте, хотя блестели чистыми, лишенными пыли и грязи, листочками. В общем, не вариант. Но ничего страшного, зато с сорняками отлично справлялся Егорка.

Таким образом, я смогла разгрузить для себя большую часть дня. На мне осталось только кормление ребенка, приготовление завтраков и выпекание хлеба раз в неделю. С по-

следним девочки одни не справятся, там физическая сила нужна, а я, как ни странно, в этом теле была довольно сильной.

Свободное время я решила посвятить разработке комплекса упражнений, который бы помог привести это тело в норму. Как я жалела, что не могу связаться со своим фитнес-тренером, ибо тот комплекс упражнений, который выполняла я, сейчас вряд ли подойдёт. Мне надо избавиться от жира и целлюлита, а не подкачать попу. И всё же, благодаря Анастасии – это имя моего тренера – я знала, на какие группы мышц мне сейчас нужна нагрузка, а значит, и упражнения я смогу подобрать. Обязательно включить качание прессы, приседания, планку. Бег пока включать не буду, не тот вес, только отдышку заработаю вместо пользы, а то и проблемы с сердцем.

Занималась я на заднем дворе, на лужайке, в качестве спортивной формы облачившись в старые Гиртановы штаны и рубаху. В штаны еле влезла, кстати, а ведь на нём они были как мешок. Начинала я с легкой разминки на все группы мышц, потом перешла непосредственно к упражнениям. И вот тут возникли проблемы. В планке я стоять не могла совсем. Согнуться для качания пресса мешал живот, он же мешал и отжиматься, упираясь в землю намного раньше, чем я согну до конца руки (впрочем, тут они с грудью соревновались). Единственное, что получалось хорошо – это приседания и растяжка, хотя долго выполнять я и их не могла, и

ноги потом болели адски.

Но ничего, лиха беда начало! Похудеть мне просто необходимо, если не ради эстетики, то для того, чтобы я могла вынести дорогу, ведь почти месяц в пути! А единственные нагрузки, к которым привыкло моё тело – это стояние весь день на ногах, да таскание ведёр с водой. Совершенно не то, что нужно. Поэтому стиснули зубы, Владислава, и вперёд.

Начала с получасовой нагрузки, планируя постепенно увеличить до часа. Никакой специальной диеты я не соблюдала – мы не так уж объедались, да и не было тут никакой вредной пищи. Просто старалась поменьше хлеба есть за обедом и не налегать на варенье с медом – единственные доступные сладости, не считая фруктов и ягод, но они пойдут позже. Тем более, мой лишний вес – следствие беременности, а не обжорства. Ну и, как полагается, пила много воды.

Остальное свободное время я посвятила поиску заработка. Поскольку я даже не представляла, с чего начать думать, то решила, как обычно, обратиться за помощью к Настасье.

– Настя, признавайся, чем бабы на ярмарке торговать будут? Вы же не только покупать туда едете, верно? Иначе, на что бы вы покупали, если ничего не продаете, а живете натуральным хозяйством? Короче, какой у нас самый ходовой товар?

Настя глазами похлопала, но суть вопроса уловила.

– Девицы рукоделие своё отдают на продажу, а замужние – соленья-варенья, как правило.

– А мужики продают что-нибудь? – продолжала допытываться я, а то что-то ни одно из женских хобби мне надежд не внушало.

– А как же. Охотники дичью торгуют, кузнецы и столяры поделки свои продают. Некоторые семьи еще излишки зерна торгуют, али приплод, что скотина принесла.

Так, это всё мне вообще никак не подходит.

– А покупают что? Ну, что привозят на продажу иноземные торговцы?

– Одежду красивую – девушкам и бабам, мужики себе сапоги добротные покупают – у нас-то в деревне сапожника нету. Бусы девкам, гребни, зеркала там. А остальное, поди, у нас всё есть.

– Ну а ради любопытства ты не интересовалась, что еще продают?

– Ой, интересовалась, конечно! Там столько диковин разных, иные и не поймёшь, на кой нужны. Но торговцы такие приветливые, всё объяснят, расскажут – правда, и сама потом не заметишь, как купишь разного ненужного у них. Жаль ведь обидеть такого приветливого человека!

– А что тебе больше всего из диковин запомнилось? – продолжала я задавать наводящие вопросы.

– Ой, трубочка там такая была: глянешь в неё – а там узоры! Потрясёшь, снова глянешь – а узоры уже поменялись. Чудная такая, только бесполезная, да дорогая больно.

Ага, что-то типа калейдоскопа. Принцип мне, вроде, по-

нятен, но из чего его сделать? Стекла в деревне не было никакого. Вместо человеческих окон у нас были ставни, вместо стеклянных банок – глиняные и деревянные, из полого растения, похожего на бамбук, только коленца его были не ровные, а узкие сверху и широкие книзу, так, что если взять одно коленце, то получится что-то типа небольшого кувшина без ручки. Красок же местные вообще не знали: все цветные сарафаны, как выяснилось, покупались на ярмарке, а путём их изготовления деревенские не интересовались. Короче, и этот вариант отпадает.

В общем, попытав Настасью еще немного, я поняла, что должна сама съездить на эту ярмарку, и оценить, так сказать, спрос и предложение. Я просто не знала, как правильно задать вопрос, чтобы выяснить то, что для местных – само собой разумеется. Как узнать, какая ниша будет востребована, и при этом до сих пор не занята? Я спрашивала Настю, есть ли что-то, чего им хотелось бы купить, но этого не было в продаже. Но она лишь недоуменно на меня смотрела: типа, как она поймёт, что ей что-то нужно, если это нигде не продается? А так вообще, деревни практически на полном самообеспечении.

Выход один: надо всё увидеть своими глазами. И с торговцами пообщаться. А то так никаких идей в голову не приходит: слишком мало информации. Да и осталось-то до ярмарки несколько дней, всё равно ничего не успею сделать. А вот съезжу на разведку, вдохновлюсь, и к следующей яр-

марке что-нибудь, да привезу. Так что оставшиеся дни до ярмарки я посвятила разработке и корректировке комплекса упражнений, и составлению вопросов, ответы на которые я рассчитываю получить от торговцев.

Глава 8

На ярмарку мы отправились двумя семействами в полном составе. Нет, поначалу мой «муженек» собирался ехать один – как всегда. Но я настаивала, что моё присутствие обязательно, так как я лично должна оценить ассортимент. Гиртан сердился, Гиртан ругался, Гиртан был категорически против, но в итоге просто махнул рукой – мол, что с упрямой бабой сделаешь. Я же, после разговора с ним осознав, что «на лицо ужасный, добрый внутри» лесоруб ничего мне не сделает, вредничала вовсю, совершенно не опасаясь последствий. Детей мы хотели оставить на Настасью, но та внезапно тоже встала в позу, и предъявила мужу ультиматум: мол, раз супруга Гиртана едет, я тоже поеду! А иначе не видать дорогому мужу любимых пирожков с творогом! Оскальд – муж Насти – вынужден был уступить. Решили оставить младших детей на старших, но те упёрлись: никому из них не улыбалось сидеть с малышкой в свой единственный выходной. Так что всей чёртовой дюжиной мы погрузились в телегу, на которой обычно вывозят с полей урожай, и на лихой тройке (три рабочих флегматичных лошадки) помчались (поплелись) в город.

Рядом ехали телеги наших односельчан, везущие мастериц торговать рукоделием, мужчины на конях же ушли далеко вперед. Все женщины вырядились в самые лучшие наря-

ды, и мы с девчонками не отставали: мне Настасья выделила нарядный сарафан, в котором она сама ходила на праздник во время беременности, а сейчас он ей был велик, зато мне пришёлся впору. Даринке мы достали платье из сундука с приданым, а у младших девчонок тоже были нарядные сарафанчики – видимо, Слава сэкономила на себе, но для детей покупала красивые вещи.

И вот едем мы, такие красивые, по обе стороны дороги – наши поля, впереди лес, ветер в лицо, настроение праздничное – у-ух! И тут бабы на соседней телеге запели! А на остальных подхватили. Мы тоже что-то такое подпевали, про урожай, про трудную бабью долю, про несчастную и счастливую любовь. Потом пошли веселые и задорные песни, а некоторые – даже немного похабные, так что мне пришлось на некоторых моментах зажать Маруське ушки. Мужики на это лишь посмеивались, а потом и они затянули: сначала рабочие песни – про тяжкий труд от зари до глубокой ночи, про то, как песня работать помогает, затем – воинскую, а потом и озорные про любовь. И снова я зажимала ушки Марусе, Даринка – себе, А Гринька – Ляльке.

Вот так весело и добрались мы до славного города Жданова. Город мне очень понравился, напомнил чем-то аккуратные малоэтажные города Швеции, Дании, Норвегии. Только, в отличие от североевропейских городов, дома здесь стояли на значительном удалении друг от друга, вокруг каждого дома были лужайки, клумбы с цветами – и этим они напомина-

ли скорее маленькие американские города. Цветы свисали и с балкончиков, которыми были оснащены многие двух-трёх-этажные домики. Кстати, выше трёх этажей домов просто не было. Да, это вам не загазованная перенаселенная Москва...

Внезапно представилось, как хорошо было бы встречать старость в таком вот тихом красивом городочке... Так, стоп, Владислава: какая еще старость? Тебе рано об этом думать, даже в этом теле рано.

Все дороги в этом городе, которые, кстати, были довольно широки даже по нашим современным меркам (тянули где-то на четырехполоску), вели в центр города, который представлял собой круглый сквер с большой круглой площадью внутри. Сверху это, наверное, смотрелось как солнце, от которого в разные стороны отходят лучи. Очень интересная идея.

По периметру площади расположились торговцы, сама площадь была оккупирована массами людей, пришедших на ярмарку – они передвигались по площади от одной повозки к другой, приценивались, делали покупки, останавливались и болтали друг с другом. Весело проводили время, в общем. А в сквере были расположены точки с разными увеселительными мероприятиями. Например, стоило нашим односельчанам найти место и начать устраиваться для торговли, как в скверике, прямо позади них, стали обустривать лучный тир для желающих испытать свою меткость. Односельчане не пожелали, чтобы меткость испытывали на них, и спешно переехали на другое место.

Свою телегу мы оставили деревенским – они приспособили её под прилавок, как и остальные телеги. А всех лошадей мужчины свели куда-то в общественную конюшню. Было достаточно интересно наблюдать за самым началом ярмарки: многие торговцы из разных деревень и городов еще только обустривали свои торговые места, покупателей было еще не так много, в сквере репетировали актеры и фокусники. Мы с детьми тоже с удовольствием бродили по округе, следя любопытными взорами за всеми этими приготовлениями. Нам словно удалось случайно приобщиться к чему-то тайному, недоступному простым людям, которые приходят на ярмарку уже после обеда и не видят всей работы, которая предшествует их появлению здесь.

Но вот последние приготовления окончены, и ярмарка потихоньку начинает набирать обороты. Мужчины предпочли чисто мужскую компанию, и, забрав мальчишек, направились к повозкам, где торговали оружием, инструментами и прочими сугубо мужскими товарами. Нам же с Настасьей выдали по мешочку с монетами, предупредив, чтобы расходовали экономно. Мы с девочками решили обойти всё – они ведь тоже никогда не бывали на ярмарке, хотя сыновей Гиртан иногда брал с собой в помощь. Андрейка же в это время был в слинге, и тоже с интересом крутил головой в разные стороны. Пока ехали в телеге, ребёнок спал в корзинке, которую я застелила этой же тканью, а как прибыли, с Настей помощью я смогла соорудить довольно удобный слинг.

А корзинку я взяла с собой, рассчитывая складывать в неё покупки. Вот как я всё продумала, вот какая я молодец! Теперь главное – суметь вовремя найти Гришу, когда Андриюше понадобится чистая пленка. А покормить я его всегда могу в скверике, спрятавшись от лишних глаз. Впрочем, тут подобным никого не удивишь.

Сперва мы просто подходили к каждому прилавку, рассматривали товар, спрашивали пояснений у продавца. Попутно Настя просвещала меня по поводу местных денег, удивляясь, как я могла даже это забыть. Самая мелкая и легкая монетка – медник или медька, кто как называл. Двадцать медек по весу и стоимости равнялись одной серебряной монетке, а десять серебряных – одной золотой. Десять золотых монет назывались «кулак», и это была распространенная мера веса для розничной покупки продуктов. Насколько я поняла, кулак – это примерно триста граммов, если переводить на наши единицы измерения, то есть, три кулака – килограмм. Ах да, и это вовсе не означало, что три кулака в значении «тридцать золотых» и три кулака муки в значении «килограмм муки» – это равноценные вещи.

В общем-то, это только на первый взгляд выглядит сложно, а местные все эти кулаки между собой не путают и прекрасно во всем этом ориентируются. Залипали мы с девочками конкретно на всяких шмотках и украшениях. Мне безумно понравился один гребень – вот вроде деревянный, ничего особенного, а так искусно вырезан, такие узоры на

нём – красота просто! Эх, бывают же умельцы народные. Одна я ничего не умею. И на чем же мне тут зарабатывать?

Затем в центре площади было небольшое представление: куклы-марионетки под музыку танцевали – ясное дело, мы залипли снова. В общем, время уже к обеду близилось, а мы даже половины всех повозок не обошли. Тут я поняла, что такими темпами ничего не успею. Мне надо как-то одной быстро пробежаться по рядам. Придётся Насте с девочками погулять – но это будет уже после обеда.

На одной из повозок женщина с дочкой – ровесницей Ляльки – торговали самодельными сладостями. Я купила у них детям по леденцу, пообещав девочкам, что раздам после обеда. На обед мы устроились в сквере – просто расселись на траве, устроив импровизированный пикник. Первым делом, конечно, Андрейку покормила, потом сами поели. Еда у нас была с собой, у мужской половины тоже был аналогичный мешок с припасами, только размерами побольше – всё-таки мужчины. Поели, попили воды на колонке и умылись заодно, выдала девчонкам по леденцу и отправила их с Настей. Договорились, что встретимся вечером возле наших повозок.

Но мои планы снова откладывались: по характерному запаху поняла, что пора искать Гришу и чистить пелёнки мелкому. Он пока спал – разморило после еды, но как проснётся – ору будет на всю ярмарку. Мужчин нашла возле повозки оружейника. Отец решил Гришке купить оружие – парню же предстоит долгая дорога, и мало ли, вдруг придется защи-

щать себя и нас? В общем, мужчины тоже залипли. Гиртан решил, что сыну нужен нож – и даже обещал показать ему несколько приёмов ножевого боя, но потом мужчины увидели арбалет – и каждому захотелось его подержать в руках, затем стали спорить с продавцом о качестве стали меча, – короче, вскоре они забыли, зачем вообще пришли. При этом про обед они тоже забыли.

Поругавшись немного на взрослых, напомнив им о том, что детям надо регулярно питаться, я, сполна прочувствовав роль сварливой жены, отправила их обедать, попутно поприветствовав Гришку. Отошли мы с ним в сторонку, «освежили» Андрюше памперс, и, махнув на прощанье рукой, я помчалась вдоль повозок, чувствуя, как время буквально утекает. Так, здесь крупы, здесь ранние овощи из теплицы, рыба, мясо. О, а вот тут мясо на собственных ножках стоит – корова, три поросёнка, коза, гуси. Или как эти птицы с длинными шеями называются? Не лебеди же? Не, точно гуси – вспомнила я мультик про Нильса, который в детстве смотрела. Так, тут оружие, тут пряжа, тут одежда – женская, детская, мужская. Дальше идут ткани, обувь, сумки, ремни. Потом зеркала, гребни, украшения. О, книги!

Кинулась к повозке, где сиротливо лежали три грубо сшитых нитками... эээ, рукописи? Ведь это явно не машинописный текст. А ещё я тут понимаю только половину букв, остальные кажутся незнакомыми. Придётся Гиртана просить «снова» учить меня читать, хорошо, что есть отмазка в виде

провалов в памяти.

– Эй, книжку-то положи! – Прикрикнула на меня толстая бабка, которая и торговала данной литературой. – Ишь, грамотных развелось! И каждый ручонки свои тянет. Так смотри!

– Простите, пожалуйста, – проглотив жесткий посыл, вертевшийся у меня на языке, вежливо проговорила я, – а что это за книги? Ну, о чём они?

– А я почём знаю? – Пожала плечами бабка, – Мужа моего покойного наследство. Ученый он у меня был, сам писал и сам шил.

У меня аж глаза загорелись. Это же такое сокровище! Мысли какого-то средневекового ученого, изданные в единственном экземпляре! Эксклюзив! Да еще и ручная работа! Да в Москве на аукционе у меня бы такую ценность с руками оторвали!

– И сколько вы за них просите? – Нарочито небрежно спросила я. Тётка окинула меня с ног до головы цепким взглядом, и веско припечатала:

– Золотой!

Я аж задохнулась от её наглости. Надо сказать, что в том мешочке, что мне вручил Гир, ни одного золотого не было, а серебряных монет было штук пять, не больше. И немного меди. И это отнюдь не мало: на эту сумму можно было купить сарафаны для меня и для всех троих девчонок. А тут за какие-то самописные книги неизвестной ценности – вдруг

там бред сумасшедшего какой-нибудь?

На мои возмущения бабка заявила с апломбом, что это – труд всей жизни её дорого мужа, и она не собирается продавать его за копейки. Я уже хотела плюнуть и продолжить путь – может, найду впереди книги подешевле, хотя, как я поняла, тут это большая редкость. Но, едва развернулась, чтоб уйти, услышала бабкин голос:

– Сколько дашь?

Я решила обнаглеть и отыграться на ней в ответ за заломленную цену:

– Пять медяшек.

Теперь настала очередь бабки давиться возмущением. Короче, сторговались мы с нею на двух серебряных и десяти медниках. За все три книги. Довольная, я сложила добычу в корзину и двинулась дальше. Кажется, одна идея по поводу заработка у меня появилась: да, я ничего не умею, но у меня есть знания, которые я могу описывать в книгах. Только вот продавать их надо не на рынке, где такие ушлые, как я, скупят их задешево, а в какой-нибудь книжной лавке при школе или при университете. Надо будет с Гиrom эту тему обсудить – есть ли в этом городе такие лавки? А еще мне нужна бумага и ручка – или что тут её заменяет. Буду писать книги! Но это если моя идея действительно хороша – мало ли, я каких-то нюансов не учитываю. Так что надо еще поискать варианты. И кое-какие соображения у меня уже появились, осталось их проверить. Вот поедем обратно, расспрошу На-

стасью. А пока можно идти к нашей повозке, а по пути стоит зайти за гребнем, раз уже деньги остались.

Вообще, я планировала поговорить с торговцами о спросе и предложении, узнать, что пользуется большим спросом у населения и всё такое, но большинство торговцев на ярмарке продавали то, что делали сами. Тут были и пасечники с мёдом, и сапожники, и кузнецы, и швеи. Простые люди, которые зарабатывали на собственном умении. До заработка денег из воздуха местные наивные люди еще не додумались, а жаль. Прямо чувствую – моя ниша. К сожалению, народ тут практичный, и впарить им какую-то фигню явно не выйдет. Я это поняла по грустному взгляду иноземного купца, торговавшего коврами, расписными вазами и – о, боже, это что – кальян?!

Ясное дело, что деревенские подходили поглазеть, спрашивали, для чего это всё нужно, получив ответ, глубокомысленно кивали и отходили, шепотом между собой обсуждая, какие же странные эти иноземцы. Зачем стелить одеяло на пол или, тем более, вешать на стену? А цветы срезать и ставить в воду в красивый кувшин зачем? Они и во дворе прекрасно растут. А уж создавать ароматный дым и вдыхать его – это вообще какое-то извращение!

В общем, планы мне пришлось пересмотреть. Здесь просто некому было отвечать на мои вопросы. Зато я всё увидела сама, и уже сделала определенные выводы. Однако же, мне надо будет как-нибудь еще вырваться в город и побро-

дить уже по местным лавкам, по городским. Возможно, это даст мне гораздо больше. Заодно и бумаги прикуплю для будущих книг. Тут ведь есть школа магии, значит, и бумага наверняка продаётся. Должны же дети на чём-то писать? В общем, не на то я ставку сделала. Ярмарка – она для деревенских, там особо много не заработаешь, да и не продашь ничего сверх того, что обычным крестьянам нужно. Моя аудитория – городские жители, от этого и будем отталкиваться.

Глава 9

Пока ехали обратно, решила прояснить у Насти несколько непонятных моментов:

– Насть, скажи, а почему косметика на ярмарке не продавалась? Украшения же были.

– Косме... что?

– Косметика. Тени для век, тушь для ресниц, помада. Да и духов я не видела...

– Прости, я ничего не поняла. Что за слова такие? И почему ты вспомнила про духов? Существование духов – это вымысел.

– Не дУхи, а духИ. Это такая ароматная вода, которой женщины поливают себя, чтобы пахнуть хорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.